

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1988

2

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, акад. АН УзССР
С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕ-
РОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР
Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, чл.-кор. АН УзССР
Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ,
чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редак-
тора*), чл.-кор. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, чл.-кор. АН
УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН УзССР А. Х. ХИҚ-
МАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист.
наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист.
наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАН-
КУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос.
наук Т. С. САИДБАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Решения партии — в жизнь!

А. Х. ХИКМАТОВ, Э. Х. МАХМУДОВ

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАПИТАЛЬНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОГО
ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА**

Вступление нашей страны в новый этап перестройки характеризуется не только включением в ее орбиту все большего числа предприятий, организаций и отраслей народного хозяйства, но и усилением значения интенсивных факторов экономического роста, переходом от количественных показателей к показателям эффективности и качества, от ориентировки на промежуточные результаты к курсу на конечные результаты, от расширения производственных фондов — к их обновлению.

«В экономике, — подчеркивалось в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Великого Октября, — необходимо осуществить глубокие структурные сдвиги, добиться перелома в ускорении научно-технического прогресса, провести в основном перестройку хозяйственного механизма и сделать, таким образом, решающий шаг в переводе народного хозяйства на рельсы интенсификации»¹.

Намеченный партией курс поднимает на качественно новую ступень производственные и воспроизводственные функции капитального строительства, основной задачей которого, как подчеркнуто в решениях XXVII съезда КПСС, являются «создание и ускоренное обновление основных фондов народного хозяйства, предназначенных для развития общественного производства и решения социальных вопросов, кардинальное повышение эффективности строительного производства»². От того, насколько быстро создаются основные фонды и осваиваются новые производственные мощности, совершенствуются действующие технологические процессы и схемы, модернизируются оборудование и предприятия в целом, во многом зависят темпы развития и повышения эффективности всего общественного производства. Поэтому положение дел в строительстве имеет большое народнохозяйственное значение и является предметом особого внимания партии и правительства.

Сегодня перед экономикой страны, ее строительным комплексом стоит задача необычайной сложности и гигантского масштаба — осуществить в короткий срок коренную реконструкцию народного хозяйства. Для успешного решения этой задачи строительство располагает мощной индустрией строительных и конструкционных материалов, современной технической базой, огромной армией трудовых ресурсов. Этому же благоприятствуют перестройка организационной структуры управления, процесс формирования нового хозяйственного механизма

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 40.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 309.

отрасли. Уже укрепляются и развиваются оба начала демократического централизма в организации строительного производства: наряду с усилением и совершенствованием централизованного управления энергично раздвигаются границы самостоятельности и ответственности предприятий и организаций. Создаются условия, поднимающие их заинтересованность в реализации достижений научно-технического прогресса, в высокопроизводительной работе, надежном сотрудничестве с партнерами на основе стабильных на пятилетку нормативов. На повестке дня — режим полного хозрасчета и самофинансирования, где прибыль становится решающим источником производственного и социального развития строительных коллективов.

ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление о совершенствовании системы заработной платы в производственной сфере. Предусматриваемые в нем меры являются составной частью работы по внедрению нового хозяйственного механизма. Заработная плата будет расти на принципиально новой основе — в прямой зависимости от улучшения хозяйственной деятельности трудовых коллективов, за счет заработанных ими средств.

Особо следует подчеркнуть роль постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 августа 1986 г. «О дальнейшем совершенствовании управления строительным комплексом страны» и «О мерах по совершенствованию хозяйственного механизма в строительстве», которыми предусматриваются создание четкой системы управления этой отраслью, разделение функций между министерствами и ведомствами, ведущими капитальное строительство, расширение прав и ответственности союзных республик за осуществление строительства на их территориях.

Словом, сейчас созданы важные организационные и экономические условия и предпосылки для дальнейшего повышения эффективности воспроизводственных функций капитального строительства, роста его конечных результатов. Дело теперь за тем, чтобы привести в действие и максимально мобилизовать все имеющиеся рычаги и факторы перестройки, добиваться устойчивого роста экономики строительства и через него — всего народного хозяйства.

Отмеченные и иные меры в сочетании с мерами по дальнейшему укреплению материально-технической базы строительства, внедрению НОТ и других современных достижений науки и техники дали определенные результаты. За 1986—1987 гг. вступили в строй многие крупные производственные мощности в добывающих и перерабатывающих отраслях промышленности, машиностроении, энергетике, индустрии строительных материалов, а также в отраслях агропромышленного комплекса и производстве товаров народного потребления. Созданы новые и улучшена сеть действующих магистральных газо- и нефтепроводов, железнодорожных линий, автомобильных дорог и других объектов транспорта.

Среди введенных в эксплуатацию объектов — новые турбины на Новоангренской ГРЭС, мощности по добыче угля на Ангренском угольном разрезе и по производству химических средств защиты растений на Навоийском электрохимическом заводе, Ташкентский экспериментальный завод объемно-блочного домостроения, машина непрерывного литья на Узбекском металлургическом заводе им. В. И. Ленина в Бекабаде, мощности на Ташкентском заводе «Компрессор» и подшипников качения на Ахунбабаевском подшипниковом заводе в Андижанской области, ряд прядильно-ткацких фабрик, кирпичных заводов, нефтеемкостей на нефтебазах и т. д.

За указанный период вырос объем государственных капитальных вложений. Причем они использованы в соответствии с приоритетами,

определенными народнохозяйственными планами. Более высокими темпами росли капитальные вложения, направляемые на строительство жилья и объектов социального и культурно-бытового назначения, на развитие машиностроительного, металлургического, топливно-энергетического и агропромышленного комплексов. В объеме капитальных вложений производственного назначения повысилась доля затрат на оборудование, а также на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий.

Однако решительного перелома в капитальном строительстве, как отмечалось на IX пленуме ЦК КПУз (февраль 1988 г.), еще не произошло. Обращает на себя внимание, например, тенденция удорожания вводимых мощностей и основных фондов, что не всегда сопровождается соответствующим улучшением их эксплуатационных параметров. Практика проектирования и строительства, в том числе связанная с реконструкцией и техническим перевооружением действующих предприятий, зачастую ориентирована еще преимущественно на создание новых рабочих мест, тогда как требуются расширение зон обслуживания, автоматизация и механизация производственных процессов, ресурсо- и трудосберегающая технология, ликвидация диспропорций между основным и вспомогательным производством.

В строительстве, как ни в одной другой отрасли, слабо еще внедряются новшества, проводятся научные эксперименты, создаются образцовые предприятия и организации, хотя Положение по ним давно разработано и опубликовано в печати³. Медленно совершенствуется и хозяйственный механизм отрасли: более 20% строительно-монтажных организаций сегодня убыточны, а 40% — имеют низкий уровень рентабельности, недостаточный для перехода на самофинансирование.

Далеки пока от требований уровень и методы организации строительного производства. На многих стройках, как показывает анализ, допускаются значительные простои техники и людских ресурсов, нерационально хранятся и используются материалы, конструкции, производственные инструменты и инвентарь, что приводит не только к необоснованному росту текущих издержек, но и к снижению эффективности прошлого труда, вложенного обществом в средства производства.

Известно, что результаты строительной деятельности во многом зависят от четкого и слаженного взаимодействия ее участников — заказчиков, проектировщиков, поставщиков оборудования и материалов, самих строительно-монтажных организаций. Хотя новые договоры подряда на капитальное строительство ориентируют на довольно значительное улучшение взаимоотношений между этими организациями, заметного сдвига здесь пока не наблюдается. Из-за недостаточной отработанности этой взаимосвязанной цепи, отсутствия должной ответственности в реализации принятых заданий и обязательств, плохого снабжения по-прежнему происходят сбои строительного производства.

«На сегодня, — отмечалось на шестой сессии Верховного Совета Узбекской ССР 11-го созыва (октябрь 1987 г.), — годовой план ввода основных фондов выполнен немногим более чем наполовину, не обеспечен ввод 63 строек производственного назначения и повторно сорван ввод 48 объектов, перешедших с прошлого года... Невыполнение целого ряда заданий привело к тому, что по итогам двух лет к пятилетнему плану не освоено более 560 млн. рублей капитальных вложений»⁴.

Такое положение в капитальном строительстве не может соответствовать требованиям ни отраслевой, ни народнохозяйственной эконо-

³ См.: Экономика строительства. 1984. № 12.

⁴ Правда Востока. 1987. 28 окт.

мики. В условиях известной воспроизводственной роли строительства ухудшение его показателей, граничащее с невысоким уровнем эффективности, не только негативно сказывается на строительных результатах, но и снижает возможности отраслей — потребителей продукции строительства, а также эффективность общественного производства в целом.

Государственный план экономического и социального развития Узбекской ССР на 1988 г. предусматривает большую программу капитального строительства. Капитальные вложения за счет всех источников финансирования по территории республики составят более 7,5 млрд. руб., из которых почти 4,8 млрд. руб. решено направить в производственную сферу экономики. Планом предусмотрено первоочередное направление средств на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий. Доля капитальных вложений на эти цели возрастет до 44% против 38,5% в 1987 г.

Определяющим направлением наращивания производственного потенциала все настоятельнее становится увеличение масштабов применения новейших орудий труда и технологических процессов, базирующихся на использовании достижений науки и техники. В этой связи планируемая инвестиционная программа предусматривает ускоренное обновление основных производственных фондов. В промышленности они обновятся на 9%, в машиностроительном комплексе — более чем на 13, а в агропромышленном комплексе — на 10%. Обновление основных производственных фондов должно обеспечить техническое совершенствование производства, рост его эффективности во всех комплексах.

По специально разработанным программам «Жилье-2000», «Здоровье» и другим должен быть осуществлен большой объем жилищно-гражданского строительства. В частности, предусматривается ввести (за счет всех источников финансирования) 7,3 млн. м² жилья, что на 530 тыс. м² больше задания пятилетнего плана, больниц — на 1305 коек, амбулаторно-поликлинических учреждений — на 1700 посещений в смену, а также немалое число объектов культуры, образования, торговли и коммунального хозяйства.

В увязке с потребностями капитального строительства планируются показатели производства строительных материалов, развития строительной индустрии и объемы подрядных работ. Так, производство цемента в республике в 1988 г. возрастет на 7,3%, стеновых материалов — на 5,7%.

Наряду с увеличением выпуска указанных и других материалов большая ставка делается на лучшее использование имеющегося производственного потенциала строительной индустрии, на ресурсосбережение. В этом плане важное значение будет иметь реализация целевой программы ресурсосбережения — «Экономия-90».

Задания, как видим, не только довольно напряженные, но и переломные для всей пятилетки. Но особенность строительной программы на 1988 г. заключается еще и в другом. Она требует, во-первых, ликвидации допущенных просчетов и отставаний в строительном производстве, а во-вторых, — серьезной подготовки для работы в условиях действия нового хозяйственного механизма, коренной перестройки управления. В 1988—1989 гг., как известно, все строительные организации должны перейти на полный хозяйственный расчет и самофинансирование, что несовместимо с имеющимися недостатками в строительстве, его низким качеством и слабыми экономическими результатами.

В решениях июньского (1987) Пленума ЦК КПСС подчеркнута, что суть коренной перестройки управления экономикой заключается в переходе от преимущественно командно-административных к преиму-

щественно экономическим методам руководства, управлению интересами и через интересы.

Центральным звеном этой работы для строителей является практическое внедрение новых методов хозяйствования и прежде всего — полного хозяйственного расчета. Надо прямо сказать, что для строительных организаций и отрасли в целом это — непростое дело, поскольку многие строительные подразделения остаются мелкими, технически слабо оснащенными, а главное — низкорентабельными или вовсе убыточными.

Такое положение в условиях перестройки совершенно нетерпимо. Государство и общество теперь не допустят плохой работы, расточительства средств, перекладки своих функций на «чужие» плечи. Это, кстати, предусмотрено и Законом о государственном предприятии (объединении), принятым на седьмой сессии Верховного Совета СССР 30 июня 1987 г., а также постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» (октябрь 1987 г.).

Для внедрения новых методов хозяйствования и, что еще важнее, обеспечения их действенности прежде всего необходимо изменить экономическое мышление, переориентировать его в сторону научно-технического прогресса. «Всякая перестройка хозяйственного механизма, — отмечал М. С. Горбачев, — начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики, ясного понимания новых задач»⁵. В этой связи очень важно обеспечить гибкость системы управления строительным производством, оптимальное сочетание экономических и административных методов руководства, нешаблонные формы организационной работы, отказаться от мелочной опеки строительных организаций.

Целесообразно также усилить значение как стимулов, так и санкций, непосредственно воздействующих на интересы участников строительного производства. Они должны находиться в органической связи со всеми остальными элементами хозяйственного механизма и быть постоянно действующей системой. Нельзя вырывать из нее какие-то отдельные звенья, как это бывает часто на практике. Например, принимаются попытки внедрить новые стимулы, получить определенные преимущества и оставить в стороне санкции и ответственность.

Некомплексность, половинчатость мер особенно недопустимы по отношению к хозрасчету — важному элементу нового хозяйственного механизма. До сих пор он охватывал главным образом деятельность низовых звеньев строительного производства — трестов, управлений, бригад и зачастую пробуксовывал, не давал желаемых результатов. Чтобы хозрасчет был действенным и в полной мере выполнял свои функции, он должен быть полным, охватывающим все звенья строительного производства — от строительных бригад до главков и министерств. Только в этом случае может возникнуть равная экономическая ответственность участников строительства перед обществом и государством за принятые на себя обязательства.

Закон о государственном предприятии (объединении) предусматривает две модели полного хозяйственного расчета: первая основана на нормативном распределении прибыли и очень близка к той, которая действует в данный момент в хозяйственном механизме отрасли; вторая — базируется на нормативном распределении дохода, полученного после возмещения из выручки материальных затрат. Из дохода производятся расчеты с бюджетом и вышестоящим органом, выплачиваются проценты за кредит, после чего образуется хозрасчетный доход. Еди-

⁵ Правда. 1986. 9 марта.

ный фонд оплаты труда формируется как остаток хозрасчетного дохода предприятия после образования из него других хозрасчетных фондов, определенных по нормативу.

Представляется, что дальнейшее развитие системы хозяйствования в строительстве должно ориентироваться прежде всего на вторую модель, модель коллективного подряда. Она наиболее полно реализует требования противозатратного механизма.

Огромное влияние на воспроизводственные функции и эффективность капитального строительства оказывает система планирования и материально-технического обеспечения. Однако ни планирование, ни снабжение еще не справляются в достаточной мере со своими задачами. Как подчеркивалось на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, авторитет плана как главного инструмента экономической политики подрывался субъективистскими подходами, несбалансированностью и нестабильностью, обилием решений отраслевого и регионального характера, принимаемых помимо плана и зачастую без учета реальных возможностей.

Недостатки планирования и снабжения являются одной из причин того, что многие стройки по-прежнему продолжает лихорадить, растет неравномерность в загрузке строительных организаций, не уменьшается число «долгостроев», на что еще раз обратил внимание IX пленум ЦК КПУз. Положение усугубляется и недостаточно высоким уровнем использования имеющихся производственных мощностей, особенно домостроительных комбинатов, заводов железобетонных изделий и других предприятий, во многом определяющих темпы и масштабы индустриализации строительного производства и роста производительности труда.

В этих условиях не оправдывает себя и система отраслевого контроля за ходом строительства: нереальный план строительства кураторы одной отрасли пытаются компенсировать за счет строек других отраслей, что ведет к диспропорциям, нарушению технологии и нормального ритма, переброскам «по кругу» ресурсов и техники, потерям рабочего времени, ухудшению качества.

Перестройка требует решительного укрепления дисциплины в планировании и снабжении, улучшения контроля за ходом строительства и всей инвестиционной политики. Нужен контроль по аналогии с техникой — «неразрушающими» методами, т. е. экономическими, с помощью новой системы расчетов за выполненные работы, укрепления договорной дисциплины и искоренения волюнтаризма в планировании.

Имеется немало других возможностей для улучшения воспроизводственных функций и повышения эффективности капитального строительства. Комплексное рассмотрение их в рамках одной статьи, разумеется, невозможно. Но об одной, имеющей, с нашей точки зрения, важное значение для совершенствования хозрасчета и всего хозяйственного механизма, следует сказать особо. Речь идет о необходимости соизмерения затрат и результатов на всех стадиях строительного производства, чему наилучшим образом соответствует применение коллективного подряда в сочетании с бригадными формами организации и стимулирования труда. Но опыт показал, что этого недостаточно. Надо сформировать систему планирования, учета, стимулирования и ответственности за использование ресурсов на всех стадиях выпуска строительной продукции — от бригады до треста. Одним из таких направлений здесь, как показала практика, может стать чековая система, которая нашла применение в Даугавпилсском тресте в Латвии, тресте «Мособлстрой-19» и др.

Сущность чековой системы состоит в том, что каждая бригада, участок, другие строительные подразделения, используя эти чеки, соиз-

меряют свои расходы с выделенными по нормативам ресурсами, стимулируются за их рациональное использование и несут ответственность за перерасход. Сочетание чековой системы и коллективного подряда, например в Даугавпилсском тресте, позволило за восемь месяцев 1987 г. повысить производительность труда на 11%, увеличить прибыль в 2,3 раза⁶.

Изучение и внедрение в практику регионального строительства достижений науки и передового опыта позволит перевести строительное производство на рельсы интенсификации и одновременно улучшить хозяйственный механизм отрасли. Именно достижения науки и техники, передовой отечественный и зарубежный опыт в нынешних условиях должны определять все стороны организации капитального строительства — его экономику, технику и управление.

В постановлении январского (1987) Пленума ЦК КПСС подчеркнуто, что успех перестройки будет в решающей мере определяться тем, насколько быстро и глубоко наши кадры проникнутся пониманием необходимости революционных перемен, насколько решительно, энергично и компетентно они будут действовать. Ни новая техника сама по себе, ни принимаемые меры без активного задействования человеческого фактора автоматически не решат задачи перестройки, а применительно к капитальному строительству — не улучшат его хозяйственный механизм и показатели. Для этого необходимо прежде всего решить мировоззренческую задачу — сформировать новое экономическое мышление руководителей, специалистов и рабочих строительного производства.

⁶ См.: Экономика строительства. 1987. № 11. С. 11.

Б. А. АКБАРОВ

ОБ УЛУЧШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ ОБУВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УзССР

Ныне, в условиях перестройки всей социально-экономической жизни страны, осуществления кардинальных экономических реформ, особую актуальность обретает коренное улучшение качества и ассортимента товаров народного потребления. Вопрос этот, как указывалось на февральском (1988) Пленуме ЦК КПСС, имеет не только экономическое, но и важное социальное, политическое значение. На совещании в ЦК КПСС, состоявшемся 22 мая 1987 г., отмечалось, что «товары, предлагаемые народу, их качество, уровень обслуживания населения в широком смысле этого слова — своеобразная витрина нашего бытия, вопрос притягательности социализма»¹. Задача коренного улучшения качества и ассортимента товаров рассматривается сегодня как «поллигон соревнования капитализма и социализма»². Большое значение этой проблеме придает новый Закон о государственном предприятии (объединении), где прямо указано, что «качество продукции (работ, услуг) является определяющим в общественной оценке результатов деятельности каждого трудового коллектива»³.

Заметную роль в комплексе отраслей, производящих товары народного потребления, играет обувная промышленность. Значительное развитие получила она и в Узбекской ССР. Так, за три последние

¹ Важная задача социальной политики: Совещание в ЦК КПСС//Правда. 1987. 23 мая.

² Там же.

³ Закон Союза Советских Социалистических Республик о государственном предприятии (объединении)//Правда. 1987. 1 июля.

пятилетки объем производства обуви в республике увеличился более чем в 1,9 раза; республика дала за этот период 15% всего союзного прироста производства обуви и ныне занимает 4-е место среди всех союзных республик по общему объему производства обуви. Но вместе с тем по производству и потреблению обуви на душу населения (с учетом ввоза) УзССР занимает, соответственно, лишь 14 и 12-е места в Союзе. Объем и прирост производства обуви явно не соответствуют динамике прироста населения УзССР.

Неудовлетворительно обстоит дело и с качеством, ассортиментом выпускаемой в республике обуви. На протяжении многих лет не повышается ее сортность, низким остается удельный вес продукции с индексом «Н» и продукции по договорным ценам в общем объеме продукции обувных предприятий, растет сумма штрафов, выплачиваемых ими за низкое качество продукции и несоблюдение установленного ассортимента. Общая сумма штрафов обувных предприятий Минлегпрома УзССР в 1986 г. по сравнению с 1985 г. возросла более чем в 1,5 раза, а по сравнению с 1980 г. — более чем в 2,7 раза⁴. Штрафы лишь по Ташкентской обувной фабрике № 2 составили 44% всей суммы штрафов по отрасли; практически каждая пятая пара обуви из проверенного количества была понижена в сортности или возвращена предприятию. Основные причины возникновения брака — нарушения технологической дисциплины, низкий уровень квалификации работников, организационные недостатки, низкий технический уровень производства.

Надо отметить также, что один из основных показателей, применяемых для оценки качества обуви, — сортность — не отражает достаточно объективно качества продукции, поскольку определенное количество дефектов допускается требованиями стандартов. Большинство применяемых в обувной промышленности стандартов устарели и не влияют эффективно на качество изделий. Кроме того, сказываются низкая квалификация работников ОТК и подчиненность служб ОТК администрации предприятий.

Как известно, повышению качества продукции способствуют освоение новых видов изделий, расширение ассортимента, учет перспективных направлений развития моды при создании новых моделей. На обновление ассортимента продукции направлены планирование и экономическое стимулирование выпуска товаров улучшенного качества с индексом «Н» и изделий по договорным ценам. Однако по этим показателям обувная промышленность УзССР занимала в 1985 г. 13-е место среди союзных республик⁵.

В 1986 г. в обувной отрасли МЛП были внедрены в производство 795 новых моделей обуви, в том числе 387 — детских. Коэффициент обновления ассортимента по выпуску составил 80%, коэффициент обновления ассортимента по моделям — 85%. Но, несмотря на относительно высокие темпы обновления ассортимента, крайне недостаточно выпускается обуви для молодежи — всего 1,6 млн. пар и детской нарядной обуви — 7,9 млн. пар. Выпуск обуви с применением наиболее прогрессивного на сегодняшний день метода — литьевого — составил лишь 0,3% общего количества произведенной в республике обуви⁶, тогда как в целом по стране — около 4,5%. Для сравнения отметим, что в США удельный вес производства литьевой обуви составил уже в 1981 г. 9,2%, во Франции — 21% (1982 г.)⁷.

⁴ По данным МЛП УзССР.

⁵ Данные Узбекского филиала ВНИИКС.

⁶ Рассчитано по данным МЛП УзССР.

⁷ См.: Состояние развития подотраслей легкой промышленности зарубежных стран. Вып. 1. М., 1985.

Большое значение для удовлетворения потребительского спроса имеет размер производственной партии каждой модели. Небольшие партии позволяют наиболее полно учитывать самые разнообразные запросы потребителей. Между тем в 1986 г. в обувной отрасли республики каждая новая модель выпускалась партией размером в среднем 34 тыс. пар. А, например, Ереванская фабрика «Люкс» в 1985 г. выпустила 300 тыс. пар обуви 150 моделей, т. е. средний размер партии — 2000 пар. В обувном объединении «Свит» (ЧССР), известном в нашей стране больше под торговой маркой «Цебо» и сравнимом по объемам производства с обувной отраслью УзССР, ежегодно разрабатывается и внедряется около 3000 новых моделей при среднем размере партии 9800 пар. Фирма «Саламандер» (ФРГ) — крупнейшая в Западной Европе — разрабатывает и внедряет в производство около 5000 новых моделей обуви в год, причем средний размер партии по каждой модели составляет всего 2000 пар⁸.

Безусловно, работать в режиме постоянного перевода производственных потоков с одного ассортимента на другой очень сложно, так как возникают трудности с повышением производительности труда, механизацией процессов, нарушается ритмичность производства. По расчетам Украинского НИИ кожевенно-обувной промышленности, каждая перезаправка потока с одного ассортимента на другой сопровождается падением объемов производства минимум на 1,5% даже при самой тщательной технологической и организационной подготовке.

Однако другой альтернативы постоянному обновлению и расширению ассортимента нет, так как потребительский рынок характеризуется пыне резкой индивидуализацией спроса, повышением требований к ассортименту и качеству обуви. Четко проявляется градация запросов потребителей к обуви: молодежный ассортимент, особо модная обувь, обувь спортивная, прогулочная, для торжественных случаев, обувь предпочтительного спроса пожилых людей и т. д. Так, опросы, проведенные ВНИИКС, показали, что около 40% молодежи предпочитают спортивный стиль одежды и обуви, а около 20% — особо модные изделия. Игнорирование этих запросов и недостаточная маневренность обувных предприятий в смене ассортимента приводят к насыщению рынка обувью суженного ассортимента. В результате возникают трудности со сбытом продукции, что ведет к образованию неходовой и залежалой обуви в торговой сети. По данным Узбекского филиала ВНИИКС, на 1 октября 1986 г. количество такой обуви составило 10% всего объема неходовых и залежалых изделий легкой промышленности.

Ликвидация таких нежелательных явлений возможна лишь путем организации производства обуви в необходимом для покупателей ассортименте, с оперативным учетом изменений моды. Это предполагает налаживание действительно эффективной работы служб по изучению и прогнозированию спроса населения. Пока такая работа осуществляется на невысоком уровне. В торговых организациях оперативное изучение текущего спроса покупателей на обувь ведется нерегулярно и с недостаточным охватом, в промышленности эта работа проводится также недостаточно эффективно. В большинстве случаев эти службы действуют разобщенно, не практикуют серьезных совместных исследований в области изучения и прогнозирования спроса, что объясняется прежде всего разной ведомственной подчиненностью. Изучение и прогнозирование покупательского спроса, конъюнктуры рынка должны стать одной из основных задач промышленности, о чем свидетельствует практика зарубежных стран, где работа по изучению и прогнозированию

⁸ Там же.

нию спроса поставлена во главу угла основной производственной деятельности промышленных предприятий и фирм.

Перспективным направлением в решении данной проблемы могло быть создание оптимальных схем сети фирменных магазинов, которые стали бы базой для изучения спроса на обувь в данном регионе. При этом были бы ликвидированы излишние звенья в цепи «производитель—потребитель» и все колебания спроса мгновенно отражались бы на деятельности предприятий. Создание фирменных магазинов и фирменной торговли нашло свое отражение в новом Законе о государственном предприятии (объединении), где прямо указано, что «предприятие и объединение организуют фирменное обслуживание своей продукции и фирменную торговлю». Заслуживает внимания опыт прибалтийских республик, в частности Эстонии, где оптовая торговля некоторыми видами продукции находится в ведении министерства легкой промышленности, что также резко повышает ответственность предприятий за качество их продукции.

Положительный эффект даст перевод торговли на хозрасчет. В этих условиях позиция торговли перед промышленными предприятиями по вопросам качества и ассортимента продукции будет более принципиальной. Вместе с тем надо учесть следующее. Как уже отмечалось, обуви на душу населения УзССР выпускается гораздо меньше, чем по стране в целом и чем требуется по рациональным нормам потребления. В условиях, когда спрос в целом опережает предложение, а возможности импорта и завоза из других республик ограничены, торговля для выполнения своих плановых показателей вынуждена принимать то, что предлагает ей промышленность. Поэтому у обувных предприятий нет достаточных стимулов для повышения качества продукции, а также расширения и улучшения ассортимента. Перевод предприятий на режим полного хозрасчета, расширение их прав и соответственно обязанностей позволят устранить диктат производителя над потребителем, включить в экономические отношения элементы конкуренции, ликвидировать «гарантированный» рынок сбыта и создать такие условия, когда только непрерывным улучшением качества продукции, снижением ее себестоимости и цены, расширением и улучшением ассортимента можно будет успешно реализовать обувь населению.

Коренное улучшение качества продукции немислимо без технического перевооружения обувной промышленности и внедрения достижений научно-технического прогресса. Ныне более половины используемого в основном производстве оборудования физически и морально устарело и подлежит замене (на некоторых предприятиях отрасли эксплуатируется оборудование выпуска 30-х годов). При таком низком техническом уровне производства не приходится всерьез говорить о коренном улучшении качества продукции. Проблема усугубляется и тем, что выпускаемое машиностроительными заводами страны оборудование для обувного производства лишь на 20% соответствует мировому уровню. Слабо внедряются достижения научно-технического прогресса, низок уровень механизации и автоматизации. Предприятия в силу существующих экономических условий недостаточно заинтересованы во внедрении в производство достижений науки и техники, передового опыта. Экономическая реформа, безусловно, позволит сделать промышленность гораздо более восприимчивой к достижениям научно-технического прогресса.

Первостепенное значение для обеспечения высокого качества продукции имеет уровень квалификации рабочих и специалистов. В обувной промышленности республики проблема квалификации рабочих и их использования стоит достаточно остро. Текучесть основных рабочих в отрасли на протяжении многих лет остается очень высокой: за год

меняется практически каждый пятый-шестой рабочий. Такая текучесть не способствует повышению общего уровня квалификации рабочих и качества выпускаемой продукции.

Существенным резервом улучшения качества обуви, доведения ее до уровня лучших мировых образцов может стать закупка лицензий у ведущих зарубежных фирм, тем более, что опыт такой работы в СССР уже имеется. Экспериментальный комбинат спортивных изделий «Спорт» (Москва) производит кроссовки по лицензии известной фирмы «Адидас» (ФРГ.) Часть этой продукции комбинат поставляет в ФРГ, расплачиваясь за приобретаемые у фирмы сырье, материалы и т. п. Преимущества лицензий — практически мгновенное подключение к мировому опыту обувного производства, выигрыш времени, использование готовых и уже апробированных технических, технологических и организационных решений.

В последнее время практикуется строительство в СССР ведущими зарубежными фирмами обувных предприятий со сдачей «под ключ». Так, итальянская фирма «Коголо» взялась построить в нашей стране три обувные фабрики, две из которых уже сданы в эксплуатацию. Намечается также создание совместного советско-западногерманского обувного предприятия с участием фирмы «Саламандер».

Большое значение для обеспечения высокого качества обуви имеет специализация предприятий. Она позволяет, кроме повышения производительности труда, существенно улучшить качество продукции, так как в рамках узкоспециализированного предприятия больше возможностей для тщательной отработки технологических процессов и качественного их выполнения, меньше неоправданных перезаправок потоков с одного ассортимента на другой. Определенное влияние на качество продукции имеют и размеры предприятий. Обувная промышленность республики характеризуется ныне высокой концентрацией производства. Как показывает же мировая практика, небольшие, но хорошо оснащенные предприятия, специализирующиеся на производстве определенного ассортимента обуви, добиваются высокого качества и способны быстро реагировать на изменения спроса.

Таким образом, проблема качества продукции предстает как сложная и комплексная задача и решаться она должна соответственно комплексно. Предпринимавшиеся с середины 70-х годов попытки коренного улучшения качества продукции не дали должных результатов именно ввиду некомплексности проводимых мероприятий. Упор был сделан тогда в основном на организационные мероприятия, на создание различных систем управления качеством, которые, однако, не затрагивали необходимых экономических рычагов. Не были созданы экономические условия для возникновения внутренних побуждающих мотивов и достаточной заинтересованности самих предприятий в улучшении качества продукции.

Для эффективного решения проблемы качества обуви требуется проведение комплекса организационных, технических и экономических мероприятий, причем определяющими должны стать преобразования экономического характера — перевод предприятий на хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование. Только в этих условиях возможно коренное улучшение качества продукции в соответствии с ростом и изменением покупательского спроса.

Г. Р. АСАНОВ

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ УЗБЕКИСТАНА

(Вопросы типологии и некоторые проблемы развития)

Большая часть населения Узбекистана, как известно, проживает в сельской местности. Хотя удельный вес этой части населения республики постепенно снижается, но абсолютная численность его устойчиво и заметно растет. Поэтому актуальность проблем сельского расселения нарастает в Узбекистане еще заметнее, чем в других союзных республиках. Важно и то, что те многочисленные небольшие города и поселки, которые связаны с агропромышленным комплексом, все больше становятся элементами сельского расселения, расширяя его сферу и круг проблем.

Вопросы сельского расселения отдельных частей Узбекистана освещены в трудах С. А. Ковалева, Г. С. Гужина, М. К. Караханова и других ученых¹. Здесь мы попытаемся произвести типологию сельских населенных пунктов Узбекистана и их территориальных сочетаний — сельского расселения.

Сеть сельских населенных мест размещается в республике крайне неравномерно: наряду с территориями, покрытыми густой сетью сельских поселений, есть и такие, где они почти полностью отсутствуют. Контрастность в сельском расселении может быть проиллюстрирована рядом показателей. Так, на 1 января 1986 г. плотность сельского населения Андижанской области составляла 255 человек на 1 км², а Навоийской — 3,1 человека на 1 км², или в 82 раза меньше. А в пяти областях республики (Самаркандской, Ферганской, Ташкентской, Кашкадарьинской, Андижанской) проживает более 1/2 ее сельского населения. Говоря иначе, на территории этой 1/6 части республики средняя плотность сельского населения равна 83 человекам на 1 км², тогда как на остальных 5/6 территории — в среднем 13 человек на 1 км².

Контрасты сельского расселения Узбекистана связаны прежде всего с природными предпосылками сельскохозяйственной деятельности, так как люди, не связанные с сельским хозяйством, составляют очень небольшую долю сельского населения республики. Оно заметно концентрируется в земледельческих оазисах и изрежено в животноводческих районах. Но и в земледельческих оазисах, и в животноводческих районах есть свои «пояса» концентрации сельского населения.

В земледельческих оазисах сельское население больше концентрируется в районах хлопководческого ядра оазиса, там, где сосредоточены основные массивы посевов хлопчатника, и редет к периферии

¹ См., напр.: Ковалев С., Ташбеков Э., Валиева Р. География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей. Ташкент, 1962; Гужин Г. С. Современные проблемы географии населения горных районов Средней Азии: Автореф. докт. дис. М., 1969; Асанов Г. Р. Сельское расселение Наманганской области (Экономико-географическое исследование). Ташкент, 1975; и др.

оазиса, где идет сброс оросительных вод и на его основе выращиваются бахчевые культуры, а также по «бортам» оазиса.

Однако оазисы невелики по площади, и практически многие населенные пункты обслуживают и ядро, и «борт» оазиса. А потому и дифференциация сельского расселения в оазисах относительно невелика.

Другое дело животноводческие пояса. Животноводство ведется в Узбекистане в самых разнообразных условиях — в горах, предгорьях, пустынях. И соответственно расселение животноводов имеет место в самых разных условиях, что сказывается на плотности сельского населения различных животноводческих районов.

Типы сельских поселений. Сельские поселения Узбекистана различаются по людности, функциям и местоположению. На основе анализа этих различий возможна интегральная типология сельских поселений. Сначала рассмотрим людность (крупность) сельских населенных мест республики.

Интересно сравнить крупность сельских населенных мест Узбекистана со среднесоюзными данными. Поскольку последние опубликованные материалы по этому вопросу содержались в материалах Всесоюзной переписи населения 1970 г., сравнение проводится по этой переписи (табл. 1).

Таблица 1

Крупность сельских населенных мест УзССР и Союза в целом

Крупность (людность) сельских населенных мест, чел.	УзССР			СССР		
	число населенных мест	количество жителей в них, тыс. чел.	% к итогу	число населенных мест	количество жителей в них, тыс. чел.	% к итогу
Менее 50	1293	29,4	0,4	235,8	3 343	3,2
51—100	1182	90,6	1,2	56,8	4 121	3,9
101—500	7614	2087,4	28,0	120,1	28 805	27,2
501—1000	3071	2087,8	28,0	33,0	23 117	21,9
1000—5000	1578	2741,9	36,5	22,6	39 865	37,7
Свыше 5000	60	440,8	5,9	0,9	6 447	6,7
Итого	14 798	7477,9	100,0	469,2	106 698	100,0

Судя по этим материалам, средняя людность сельских поселений по СССР составляла 255 человек, а в Узбекистане — 506, т. е. почти вдвое выше среднесоюзной.

Повышенная людность сельских населенных мест республики связана как с интенсивным характером местного сельского хозяйства, требующего для обработки ведущей культуры — хлопчатника — значительной концентрации рабочей силы, так и с демографическими особенностями республики — повышенным числом детей в семьях, что само по себе увеличивает людность сельских населенных пунктов и вместе с тем требует развития соответствующей социальной инфраструктуры — больше учителей, врачей и т. д., что также ведет к росту величины поселений.

Тенденции в изменении сети сельских населенных мест УзССР различной людности можно проследить, сравнивая данные Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. (табл. 2).

Как видим, в республике наблюдалась тенденция к увеличению средней людности сельских поселений (с 310 до 506 человек), сокращению числа сельских поселений с людностью менее 500 человек и увеличению числа сельских поселений с людностью свыше 500 человек. Одновременно снизилась абсолютная численность населения, проживающего в сельских поселениях с людностью менее 500 человек (на 10%), и увеличилась абсолютная численность населения, проживаю-

щего в сельских населенных пунктах с людностью более 500 человек (на 82%). В итоге доля сельских жителей, проживающих в селениях с людностью менее 500 человек, уменьшилась с 45,8 до 29,6%, а проживающих в селениях с людностью более 500 человек — увеличилась с 54,2 до 70,4%.

Допустимо полагать, что тенденции в сельском расселении, наметившиеся в 1959—1970 гг., сохраняются и в настоящее время. Однако надо иметь в виду, что вопросы делимитации сельских поселений (т. е. определение того, что следует считать единичным сельским поселением) в условиях Средней Азии нельзя считать окончательно решенными. При проведении переписей населения допускаются «округление» границ населенных мест, объединение в составе единых населенных мест достаточно изолированных селитебных территорий и тем самым занижение фактической численности поселений. Так, И. Р. Мулладжанов определяет современное число сельских населенных мест в 28 тыс., в том числе 14,6 тыс.—мелких, с населением менее 500 человек². При этом в расчет принимаются хуторские поселения, задача ликвидации которых стоит на повестке дня, но медленно проводится в жизнь.

Таблица 2

Изменения в величине сельских населенных пунктов УзССР в 1959—1970 гг.

Крупность (людность) сельских населенных мест, чел.	Число населенных мест		Число жителей, тыс. чел.		% к итогу	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Менее 50	2 708	1 293	69,9	29,4	1,3	0,4
51—100	2 697	1 182	212,9	90,6	3,8	1,2
101—500	9 001	7 614	2187,1	2087,4	40,7	28,0
501—1000	2 031	3 071	1362,9	2087,8	25,5	28,0
1000—5000	768	1 578	1338,2	2741,9	25,0	36,5
Свыше 5000	31	60	201,6	440,8	3,7	5,9
Всего	17 236	14 798	5355,6	7477,9	100,0	100,0

Среди сельских населенных мест республики есть и такие, численность населения которых превышает 10 тыс. человек. Судя по географической карте Узбекской ССР (1984 г.), это кишлак Уйчи в Наманганской области и Вуадиль в Ферганской области.

По функциям сельские поселения Узбекистана прежде всего разделяются на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные. К последним относятся в первую очередь поселки транспортников — железнодорожников, автодорожников, персонала, обслуживающего линии электропередач, газопроводы. Кроме того, несельскохозяйственные сельские населенные пункты — это поселения при больницах, домах престарелых, учреждениях отдыха. Как отмечалось выше, в Узбекистане несельскохозяйственные занятия в сельской местности развиты заметно слабее, чем в РСФСР и других союзных республиках средней полосы.

Что касается сельскохозяйственных поселений, то по функциям они разделяются на районные центры, межхозяйственные центры, центральные усадьбы хозяйств — колхозов и совхозов, поселения при отдельных подразделениях совхозов и колхозов, прочие поселения. Средняя людность каждого из перечисленных подтипов сельских населенных мест заметно колеблется.

² Мулладжанов И. Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент, 1983.

Различаются сельские населенные пункты и по местоположению. Здесь действуют три характеристики: природная, удаленность от центра, близость к дорожной сети. Уже не раз говорилось, что по природным условиям сельские населенные пункты — либо оазисные, либо пустынные, либо предгорные, либо горные. По близости к центрам они бывают близкие либо умеренно отдаленные, либо сильно отдаленные, либо периферийные. По отношению к дорожной сети сельские населенные пункты — либо придорожные (здесь важно еще учитывать категорию дорог), либо несколько отдаленные или сильно удаленные от дорог.

Следующий шаг — интегральная типология сельских населенных мест Узбекистана. Она может быть представлена следующим образом.

Тип I. Населенные пункты — районные центры. Это сельские населенные пункты повышенной людности. Лишь $\frac{1}{5}$ часть из них имеет население менее 2 тыс. человек, тогда как почти половина — более 5 тыс. жителей. Повышенная людность сельских районных центров в значительной мере связана с развитием в них несельскохозяйственных занятий. Сельские районные центры в хлопководческих районах заметно крупнее, чем в нехлопководческих. Все сельские районные центры Узбекистана соединены шоссейными дорогами с областными центрами.

Тип II. Населенные пункты — межхозяйственные центры. Почти в каждом районе, наряду с районными центрами, есть сельские населенные пункты — межхозяйственные центры, отличающиеся от хозяйственных центров повышенной крупностью либо за счет сосредоточения в них центров нескольких колхозов и совхозов, либо как бывшие районные центры, либо за счет удобного транспортного положения, либо по иным причинам.

Тип III. Населенные пункты — центры хозяйств — совхозов и колхозов. В отличие от первых двух типов это селения с ограниченной численностью жителей, слабым развитием несельскохозяйственных занятий, далеко не всегда находящиеся в хорошем транспортном положении. Населенные пункты этого типа заметно делятся на два подтипа в зависимости от производственной специализации возглавляемых ими хозяйств. Первый подтип — центр земледельческих хозяйств, второй — животноводческих хозяйств. Населенные пункты первого подтипа крупнее и, как правило, расположены в оазисах или предгорной зоне. А населенные пункты второго подтипа имеют меньшее население и расположены в горах и пустынях. Населенные пункты первого подтипа имеют лучшее транспортное положение и в них некоторое развитие получают несельскохозяйственные занятия, а населенные пункты второго подтипа расположены часто в отрыве от значительных дорог и по функциям своим чисто сельскохозяйственные.

Тип IV. Населенные пункты — центры отделений совхозов (и колхозов). В отличие от предыдущих типов сельских населенных мест, которых в Узбекистане десятки или сотни, населенных пунктов IV типа в республике насчитывается несколько тысяч. Причем это самый разнообразный тип населенных пунктов по людности, функциям (имеются в виду сельскохозяйственные функции) и по положению. Поэтому населенные пункты IV типа делятся на несколько подтипов с учетом динамики, развития, поскольку в зависимости от последней населенный пункт может быстро перейти из одного подтипа в другой.

Подтип первый — крупные и развивающиеся центры отделений совхозов и колхозов. Это, как правило, населенные пункты, расположенные в оазисах и предгорьях, где быстрорастущее население не уходит в другие места; они обслуживают земледельческое плантационное сельское хозяйство, имеют хорошую связь с городами или расположены в зонах хозяйственного тяготения крупных городов либо промышленных узлов.

Подтип второй — крупные, но по разным причинам стагнирующие поселения. Только выявив их конкретно, возможно перечислить причины, по которым идет стагнация, и обобщить их.

Подтип третий — мелкие, но быстро развивающиеся центры отделений совхозов и колхозов. Это могут быть населенные пункты, возникшие по разным причинам и быстро развивающиеся в связи с освоением новых земель, прокладкой новых дорог и т. д.

Подтип четвертый — мелкие, но растущие поселения. Как и населенные пункты второго подтипа, они требуют конкретного рассмотрения в каждом случае.

Тип V. Мелкие сельскохозяйственные поселения, не являющиеся центрами или подцентрами хозяйств.

Тип VI. Мелкие несельскохозяйственные поселения, жители которых не являются членами колхозов и совхозов, а выполняют самые разные функции.

Следует отметить как общее явление для сельских населенных мест всех типов повсеместную замену традиционного сельского жилища домами новой планировки, построенными из современных строительных материалов. Это связано с развернувшимся государственным строительством новых сельских поселков, а также усилившимся влиянием городской культуры на сельскую. Процесс унификации сельского жилья и приближения его к городским домам проходил и проходит в разных местах неодинаково. В центральных районах Узбекистана проникновение достижений современной культуры в области домостроения на селе идет достаточно быстро. В отдаленных горных, пустынных и степных зонах республики, где сохраняется мелкокишлачное расселение, преобладает традиционный тип построек.

Особенно заметна традиционная специфика в сохранении устройства сельских усадеб, что объясняется устойчивостью хозяйственных навыков населения. По данным А. Н. Жилиной³, из имеющихся в республике 800 тыс. колхозных домов (дворов) только 350 тыс. относительно соответствуют современным требованиям, остальные устарели и нуждаются в обновлении.

Проблемы развития сельских поселений. Каждый тип сельских поселений имеет свои проблемы развития, но главная из них — проблема оптимального соотношения этих типов и предпочтения какого-либо из них. Известно, что ресурсы развития всегда так или иначе ограничены. Это относится и к развитию сельской местности. Надо решить, какому типу сельских населенных мест Узбекистана отдавать предпочтение: районным центрам, внутрирайонным центрам, центрам хозяйств или их отделениям, как относиться к развитию мелких населенных мест.

На этот счет имеются различные точки зрения, которые требуют внимательного рассмотрения. При этом решение проблемы может и должно быть разным для районов с различной хозяйственной специализацией. Ясно, что в районах хлопководческих, где очень важна близость населенного пункта к полям, нельзя отдавать предпочтение развитию центров хозяйств перед развитием населенных мест при отделениях и фермах, так как в противном случае резко возрастают транспортные расходы по доставке трудящихся к местам работы. В животноводческих же районах вопрос, как представляется, стоит иначе, ибо стада пасутся вдали от населенных мест.

Во многих районах страны ставится вопрос о том, чтобы в районных центрах сосредоточивалось до половины населения сельского

³ Жилина А. Н. Традиции народного зодчества в современном сельском строительстве Узбекистана // Советская этнография. 1986. № 1.

района. Однако в условиях Узбекистана, где районы очень многолюдны, это означало бы появление райцентров-гигантов. В то же время отдельные хозяйства экономически столь мощны, что хотят развивать в своих центрах такой набор учреждений обслуживания, который в средней полосе страны под силу только районному центру.

С этой проблемой тесно связана проблема укрупнения сельских населенных мест, ликвидации мелких населенных пунктов, организованного сселения. В 70-е годы по стране прокатилась волна сселения мелких населенных мест. Узбекистан она затронула слабо, так как мелких населенных мест здесь в обычном понимании мало. Но все же и в республике были попытки ликвидации мелких населенных мест. Однако они не увенчались успехом, так как цена освоения земель очень велика и забрасывать их ради переселения в крупный населенный пункт не всегда целесообразно. Ныне практика сселения прекращена, но все равно остаются населенные пункты, ненасильственная ликвидация которых — лишь дело времени. В целом же существует мнение о необходимости сохранять мелкие селения как соответствующие этническим особенностям республики.

Заслуживают внимания проблемы развития отдельных типов населенных мест. Они несколько разнятся для разных типов населенных мест, что можно проследить по литературе, относящейся к застройке села. Есть и «сквозные» проблемы, например отсутствие свободной территории для застройки. И это в условиях, когда переход на многоэтажное строительство на селе практически почти исключен. По каждой проблеме сельского строительства есть свои особенности решения применительно к отдельным типам сельских населенных мест. Это, помимо упомянутого отсутствия свободных территорий, — зонирование жилой и производственной застройки, соотношение государственного и личного жилого фонда (теперь еще и кооперативного), проблемы инженерной защиты сельских населенных мест, в большинстве своем расположенных в сейсмических районах и нередко на селеопасных направлениях. Еще одна проблема — степень и уровень сохранения традиционной застройки и соответственно — предел внедрения современных строительных материалов и индустриального метода строительства.

Типы сельского расселения. Совокупность сельских населенных мест в пределах определенных территорий образует ареалы сельского расселения. В них следует включать и те небольшие города районного подчинения и поселки городского типа, которые тесно связаны с агропромышленным комплексом, так как по существу они тоже образуют сельскую местность.

Ареалы сельского расселения в пределах Узбекистана, как и любого другого региона, имеют черты сходства и потому можно говорить о типах сельского расселения Узбекистана. При их выделении основное внимание следует уделять тем чертам расселения, которые определяются его хозяйственной основой и различными типами хозяйственного использования территории.

Прежде всего следует выделить оазисный пригородный тип сельского расселения, формирующийся вокруг крупнейших городов республики — Ташкента, Самарканда, Андижана, Намангана, Коканда, Бухары и ряда других. Все крупнейшие города расположены в оазисах, густо пересекаемых каналами и дорогами. И все сельские поселения здесь сосредоточиваются вдоль каналов и дорог, причем дорожная сеть выводит их к городу-центру, а промежуточные центры, в том числе районные, как бы отходят в тень. Повсюду в оазисах — посевы хлопчатника и сады. Размеры садоводства здесь больше, чем на территориях других районов республики. Много несельскохозяйственных сельских населенных мест, в основном связанных с обслуживанием го-

рода — местами отдыха, инженерными сооружениями, местами для размещения филиалов и полигонов городских предприятий.

Второй тип сельского расселения Узбекистана — оазисный равнинный. Ареалы сельского расселения, относящиеся к этому типу, представляют достаточно обширные «пятна» и сети сельских населенных мест, беспорядочно, т. е. неурегулированно, разместившихся между каналами, арыками и дорогами. Ярко выраженного организованного центра тяготения здесь нет и, на первый взгляд, вся сеть предстает достаточно равномерной. Но в ней существует функциональная иерархия сельских поселений, венчаемая районным центром — небольшим городом или большим сельским населенным пунктом. Это, как правило, центр по переработке сельскохозяйственной продукции ареала. Повсюду поля хлопчатника и посадки шелковицы, но садов значительно меньше, чем в пригородной зоне.

Третий тип сельского расселения Узбекистана — низкогорно-долинный. Это тоже разновидность оазисного расселения, но расселения, не разбросанного «пятнами», а вытянутого вдоль речных долин. Хозяйство здесь оазисного типа, с тяготением к хлопководству, но по бортам долин достаточно развито и животноводство, богарное земледелие. Все крупные населенные пункты вытянуты в ограниченное число линий вдоль рек и отводных каналов. Более мелкие населенные пункты разместились по бортам оазисов.

Четвертый тип сельского расселения — высокогорно-долинный. К нему относятся сельские поселения, разместившиеся на высотах 1000 м и выше. Как и в оазисах, они тяготеют к речным долинам, так как на речных террасах больше удобных площадок для строительства и лучше условия водоснабжения. В основном в этих населенных пунктах живут животноводы, но есть и населенные пункты, жители которых заняты садоводством и горным земледелием. Часть жителей — связисты, дорожники, работники сферы обслуживания.

Пятый тип сельских населенных пунктов, весьма распространенный, — равнинно-пустынный. Основная часть территории Узбекистана занята пустынями и полупустынями, в пределах которых широко распространено отгонное животноводство. Центры колхозов и совхозов, занимающихся отгонным животноводством, расположены, как правило, в пустынях. Они представлены достаточно различающимися по величине населенными пунктами. Характерная черта равнинно-пустынного типа сельских поселений — наличие большой сети сезонных поселений, возникающих с целью обслуживания чабанов. Эти поселения существуют вблизи колодцев и не эксплуатируются постоянно.

Шестой тип сельских поселений — горно-пустынный. Имеются в виду поселения, существующие в горных массивах, окруженных пустынными пространствами. Они немногочисленны и размещаются преимущественно в горных понижениях — по бортам долин временных водотоков, в отдалении от селеопасных зон.

Таковы некоторые особенности сельского расселения республики, проблемы его типологии и развития, которые пока мало изучены и требуют дальнейшей разработки с позиций социально-экономической географии и региональной экономики в интересах успешного решения актуальных задач хозяйственного и культурного строительства, роста благосостояния тружеников села.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОПЫТА
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР
(1945 — НАЧАЛО 60-х ГОДОВ)**

Глубокие преобразования, развернувшиеся в нашем обществе в ходе его революционной перестройки, вызвали резкую активизацию духовной жизни советского народа. Идет необратимый, хотя и трудный процесс обновления общественного сознания. Ярким выражением его стал подлинный взрыв интереса к далекому и близкому историческому прошлому страны. Обусловленный переломным характером переживаемого исторического момента, он сконцентрировал в себе потребность всестороннего осмысления итогов пройденного с позиций тех знаменательных перемен, которые происходят в нашем обществе после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии. «Люди хотят больше знать о прошлом, настоящем и будущем страны», — отмечал как характерную черту мощного подъема духовной активности советских людей М. С. Горбачев на июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС¹. Об этом говорилось и на февральском (1988) Пленуме ЦК КПСС.

Одной из важных страниц послеоктябрьской истории нашей Родины, требующих тщательной документальной проработки, новых, объективных, взвешенных оценок, является период послевоенного восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества (1945 — начало 60-х годов). Здесь сохранилось пока немало «белых пятен», скрытых от критического анализа зон. Но особая злободневность нового глубокого анализа отмеченного периода определяется известной общностью перестроечных процессов, наблюдаемых в содержании развития советского общества в условиях 50-х годов и современного этапа. Ведь именно с 1953 г. в нашей стране впервые заговорили о необходимости перестройки и обновления. Были предприняты попытки осуществить фундаментальные перемены. Некоторые из них воплотились в живую практику социалистического строительства. К примеру, были созданы гарантии против реставрации культа личности и репрессий, расширились рамки непосредственной демократии.

Однако в целом осуществить радикальные преобразования нашего общества в условиях 50-х годов не удалось. «... Возможности, открывшиеся было, оказались не использованными полностью... Волонтаристские идеи и действия тогдашнего руководства стали лихорадить партию и общество. Амбициозные, необоснованные обещания и прогнозы вновь создали ситуацию разрыва между словом и делом»².

Чтобы обеспечить успешное решение перестроечных задач сегодня, мы должны подвергнуть суровому анализу прошлое, попытаться извлечь из него уроки, не повторять допущенных ошибок. Анализ попыток перестройки, предпринятых в 50-е годы, обращенный в настоящее и будущее, поможет сделать новые теоретические выводы, обосновать эффективные подходы к всестороннему совершенствованию и ускорению развития советского социалистического общества на рубеже XXI в.

В комплексе теоретических вопросов, связанных с историей развития страны в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества, пристальный интерес вызывает опыт осуществления аграрной политики КПСС. Как

¹ Горбачев М. С. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 июня 1987 г. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 6.

² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 40.

известно, по проблемам сельскохозяйственного строительства создана обширная литература, включающая фундаментальные обобщающие труды, монографии, докторские и кандидатские диссертации. Весомый вклад в научную историографию данной проблемы внесли обществоведы Узбекистана. Ими была нарисована объемная картина развития сельского хозяйства республики, в значительной мере обобщен опыт деятельности партийной организации по совершенствованию аграрного сектора экономики. Интересные и содержательные работы, посвященные отмеченному периоду, написаны, в частности, Р. Х. Аминовой, Х. М. Джалиловым, А. Джураевым, Г. Р. Ризаевым, Ю. И. Исхаковым, Б. А. Тулепбаевым и многими другими известными историками и экономистами Узбекистана.

Однако известный застой в общественных науках, наблюдаемый в период второй половины 60— начале 80-х годов, не мог не сказаться на уровне и качестве исследований, в том числе по указанной проблеме. В подавляющем большинстве они отличались конъюнктурным подходом к анализу исторической действительности. В публикациях и диссертациях, как правило, присутствовали чрезмерное возвеличивание и безудержное славословие в адрес отдельных, особенно высокопоставленных личностей. В них искажалось реальное положение дел. Нормой исследований стали нарушение принципа историзма, описательство и комментаторство. Опираясь на упрощенное, однобокое понимание концепции социализма, ученые обходили молчанием негативные явления, теневые стороны, трудности, противоречия. Развитие сельскохозяйственного производства рисовалось только по восходящей линии, от успеха к успеху. О низких темпах сельскохозяйственного строительства, снижении производительности труда, слабой отдаче капиталовложений, срывах плановых заданий говорилось вскользь.

Типичной ошибкой исторических исследований предшествующих лет было замыкание на «внешней стороне» процессов. Абстрагируясь от глубинных основ описываемых событий, историки, как правило, не вскрывали причин существующего разрыва между словом и делом, не анализировали пагубных последствий порочной практики социальной демагогии. Точкой отсчета в научных работах служила не реальная жизнь, а многочисленные решения, постановления, директивы, в которых декларировались прирост и обновление. Между тем исторический опыт показывает, что далеко не всегда директивные документы находили адекватную практическую реализацию. Нередко они претворялись в усеченном виде. Подходя с позиций эмпирического комментаторства, исследователи проецировали содержание документов и показывали успехи, якобы достигнутые при их реализации, без реального конечного результата. Это приводило к искажению исторической действительности, приукрашиванию и лакировке состояния дел.

В значительной мере вне зоны научного осмысления историков остался тот факт, что в первые послевоенные годы существенно усилился режим личной власти Сталина. Уродливое извращение приобрели многие аспекты ленинских принципов демократии. Господствующее положение в экономических и общественных науках получили догматические идеи, высказанные «великим учителем и вождем» в ряде его послевоенных работ о природе социализма. Последовательную реализацию они нашли и в документах февральского (1947) Пленума ЦК ВКП(б), определившего содержание аграрной политики в послевоенный период. Поэтому, заключая известные конструктивные меры по перестройке сельскохозяйственного производства, решению восстановительных задач, постановления Пленума сохранили тем не менее в полной неприкосновенности весь механизм командно-административного, жестко волевого стиля управления.

Ответственная задача сегодняшнего дня — дать объективный анализ воздействия решений февральского (1947) Пленума ЦК ВКП(б) на развитие сельскохозяйственного производства. Речь идет о том, чтобы показать и положительное содержание, и негативные стороны. При этом не следует забывать, что, исходя из ошибочных, схоластических воззрений И. В. Сталина и подавляющей части руководства страны тех лет на диалектику становления коммунистической формации, Пленум ЦК поставил перед сельскими тружениками объективно нереальные задания. Они должны были в кратчайший срок обеспечить обилие продовольствия и сырья для легкой промышленности, создать крупные государственные продовольственные и сырьевые резервы. Мы знаем, что эта задача не утратила актуальности и в наши дни. Ее успешное решение требует реализации крупных программ экономического и социального характера, огромных капиталовложений.

Обращаясь к изучению указанных вопросов, было бы полезно проанализировать альтернативные ситуации развития сельскохозяйственного производства с позиций диалектики возможного и действительного, обосновать инвариантные пути исторического процесса при условии перехода от командно-административных к экономическим методам управления.

Пристальный интерес вызывает аспект проблемы, позволяющий понять механизм складывания социальных утопий. Историки призваны дать четкий ответ на поставленные временем вопросы: почему создавались социальные миражи о легком достижении глобальных целей социализма и построении коммунизма уже при жизни одного поколения?

Не менее важно осознать диалектику воздействия этих миражей на трудовую и общественную активность людей, ближайшие и исторически длительные последствия их влияния на духовный мир, образ жизни, нравственные устои сельскохозяйственных рабочих, крестьян и сельской интеллигенции. Глубокой разработки требуют проблемы материального положения сельских тружеников, соблюдения принципов колхозной демократии.

Практически остались вне зоны критического анализа ученых республики пагубные последствия «черной» сессии ВАСХНИЛ 1948 г. В опубликованных ранее исторических трудах практически не говорится о произволе, творившемся в сельскохозяйственной науке страны, в том числе Узбекистана, сторонниками Т. Д. Лысенко. Мы еще очень мало знаем о героях и трагических жертвах борьбы с «лысенковщиной», о том огромном ущербе, который она нанесла теории и практике сельскохозяйственного строительства вообще, аграрному производству в Узбекистане, в частности.

Особого внимания заслуживает период 1953—1958 гг. Это было время обновления и надежд. Решения высших партийных форумов тех лет, особенно XX съезда КПСС, обнажили существенные тормоза, долгие годы мешавшие нормальному развитию советского общества.

XX съезд КПСС, подчеркнул М. С. Горбачев, «внес большой вклад в теорию и практику социалистического строительства ... Под воздействием решений съезда были осуществлены крупные политические, экономические, социальные и идеологические меры»³.

Демонстрируя уроки правды, партия открыто заявила тогда об ошибках прошлого, о трагических страницах, связанных с именем Сталина. В партийных документах, посвященных разоблачению его культа, были проанализированы ошибки и упущения в экономической и социальной политике. В них говорилось о необходимости отказа от

³ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 40.

излишней централизации управления народным хозяйством, о развертывании производственной демократии. Применительно к вопросам развития аграрного производства концентрированным выражением новых подходов стали решения сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС.

Историческая литература обладает широким кругом публикаций, посвященных анализу роли сентябрьского Пленума ЦК 1953 г. в подъеме сельского хозяйства. Но сегодня они уже не отвечают запросам общества. Ныне актуальным становится не академическое изучение опыта реализации постановлений сентябрьского Пленума, а сопоставление их с реальной практикой наших дней. Жизнь требует четкого, недвусмысленного ответа на вопрос: когда, почему, в силу каких обстоятельств осуществлявшаяся в 50-е годы перестройка стала пробуксовывать? Отчего угас свежий ветер перемен весны 1953 года? Что вызвало перелом в революционной практике обновления? Почему с нарастающей тенденцией стали восстанавливаться командно-административные формы управления? Вследствие каких причин вновь упрочился бюрократический стиль деятельности, а научность вновь уступила место социальной утопии?

Особенно остро следует поставить эти вопросы применительно к периоду 1959—1964 гг., когда наиболее ярко стал проявляться субъективно-волюнтаристский подход к управлению и руководству развитием общественного производства, в том числе сельского хозяйства.

Обращаясь к анализу проблем сельскохозяйственного строительства в условиях 50—начале 60-х годов, думается, будет правильным нарисовать социально-психологический портрет жителей села, выявить динамику противоборства нового со старым в их среде. Заслуживает внимания в этом отношении сюжет, отражающий ломку общественного сознания сельчан, борьбу новаторского, диалектического мышления с мышлением статичным, шаблонным. Раскрывая его, важно проследить, как многие простые труженики и ответственные должностные лица не могли отказаться от заскоружных привычек прошлого, раскрыть живучесть консерватизма, его пластичность, умение приспособляться к изменяющимся обстоятельствам, извлекать пользу из того, что, по всем расчетам, казалось, должно было бы привести его к гибели.

Благодатный материал представляют в этом плане страницы истории, связанные с борьбой партии против антимеханизаторских настроений. Мы еще не в полной мере вскрыли экономические, социальные и психологические корни этих настроений, не определили степень их распространения среди руководящих, партийных и советских работников, не выявили эволюцию их дальнейшего развития. Между тем антимеханизаторские взгляды — это не только день вчерашний, но, как неоднократно отмечалось в документах XXI съезда Компартии Узбекистана, последующих пленумов ЦК КПУз, и реальная практика наших дней.

Комплексный анализ вопросов обновления общественного сознания сельчан, изучение характера противоборствующих его процессов в условиях 50 — начала 60-х годов не просто углубят наши знания об историческом прошлом страны и республики. Использование результатов этих исследований может стать действенным фактором утверждения перестройки в историческом созидании наших дней.

На новый уровень обобщений следует вывести исследование вопросов переселения семей колхозников и целых колхозов в районы освоения целинных и залежных земель, широко практиковавшегося в конце 40 — начале 60-х годов. Изучение этих вопросов непосредственно связано с научным осмыслением проблем изменения социально-классовой структуры узбекской деревни, социального развития сельскохозяйст-

венного отряда рабочего класса Узбекистана, истории совхозного строительства республики. Велика их практическая ценность для успешно-го претворения стратегии ускорения. Как известно, XXI съезд Компартии Узбекистана поставил ответственную задачу — усилить работу по переселению «избыточных трудовых ресурсов из густо населенных областей Ферганской долины в целинные районы Сырдарьи, Джизака и Кашкадарьи»⁴.

Следует отметить, что в предшествующие годы республиканская партийная организация, сельскохозяйственные органы накопили немалый опыт успешной организации переселения колхозников. Его обобщение может стать важным слагаемым претворения созидательных задач наших дней. Но нельзя умолчать и о многочисленных ошибках, допущенных в практике переселения тех лет. Наиболее крупной из них явилось нарушение принципа добровольности. Как показывают архивные источники, нередко районные руководители под давлением сверху, или пытаясь срочно отрапортоваться, подменяли кропотливую работу среди крестьян, молодежи по формированию у них потребности личного участия в освоении новых земель — администрированием. Декларирование же лозунгов о добровольности и реальная практика грубого нажима вызывали разочарование значительного числа дехкан в действительности социалистической демократии. Это определяло рост элементов социальной апатии, скептицизма, способствовало разрушению духовного мира, упрочению отсталых устоев жизни дехкан.

Пагубные последствия вызывали равнодушие и невнимание к укладу жизни целинников, создание им неадекватных условий быта и труда. Поселки в целинных совхозах и колхозах строились зачастую архитектурно невыразительно, без учета специфики жизни на селе. Многие дома уже через год-два требовали капитального ремонта, из-за низкого качества работ они буквально разваливались. Здесь часто случались перебои с водой. Нередко наблюдались срывы с обеспечением электроэнергией, топливом, продуктами питания. Улицы в поселках, как правило, не были заасфальтированы. Осенью они утопали в грязи, летом в пыли. Между тем переселившиеся покидали места часто с высоким по меркам тех лет уровнем благоустройства. Мириться с тяжелыми условиями новой жизни многие не хотели. В результате они покидали места переселения. Это вызывало высокую нестабильность создаваемых производственных коллективов, приводило к утрате чувства хозяина земли.

Говоря о переселении, следует дать четкую оценку и такому фактору, как переход сельскохозяйственных артелей в систему государственных аграрных предприятий. Надо подчеркнуть, что преобразование колхозов в совхозы сыграло важную роль в стремительном численном росте аграрных рабочих, необычайно быстром расширении их рядов. Только в 1957 г. на базе 479 колхозов было организовано в Узбекистане 82 новых совхоза⁵.

В исторической литературе преобразование колхозов в совхозы трактуется как объективно необходимая и прогрессивная мера. В ней подчеркивается, что преобразовывались лишь экономически слабые хозяйства, а социально-экономические последствия этих акций были весьма значительны. Однако опыт последующих лет заставляет усомниться в таких оценках. Сравнительный анализ производственной деятельности колхозов и совхозов убеждает, что по многим параметрам уровень первых нередко был не только не ниже, но зачастую выше, чем у вторых. Сегодня мы должны откровенно сказать, что в основе этих реше-

⁴ XXI съезд Компартии Узбекистана//Коммунист Узбекистана. 1986. № 2. С. 27.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, д. 7, л. 5.

ний были ошибочные, волюнтаристские установки на некую «второсортность» колхозно-кооперативной формы собственности по отношению к государственной. Считалось, что она недостаточно полно соответствует принципам социализма, а потому неполноценна. В науке господствовал догматический подход к диалектике развития ведущих форм социалистической собственности. Проблема дальнейшего развития отношений собственности сводилась к преодолению различий между двумя ее формами путем «подтягивания» кооперативной собственности до общенародной. В духе этой теории строилась хозяйственная практика, шел процесс частичного или полного огосударствления кооперативов. Особенно широкий размах получил этот процесс в 50 — начале 60-х годов. Стремясь резко повысить темпы сельскохозяйственного строительства, обеспечить в предельно сжатый срок крутой подъем сельского хозяйства, руководство страны тех лет увидело в стремительном утверждении на селе государственной формы собственности действенный рычаг выполнения грандиозных замыслов перестройки. Однако жизнь опровергла эти расчеты.

Одна из ключевых ошибок перестроечных процессов 50-х годов заключалась в том, что они осуществлялись методом проб и ошибок, без серьезного научного обоснования, на основе умозрительного конструирования, в отрыве от реалий экономической жизни, опираясь только на волевые и организаторские начала. Таковы уроки истории, и не замечать их мы не имеем права.

Сегодня, обогащенные идеями XXVII съезда КПСС, пристально и заинтересованно вглядываемся мы в прошлое, пытаемся глубже понять настоящее и увереннее проложить курс в будущее. Эстафетная палочка времени находится в руках историков. Наша задача — не только донести до самых широких масс истинный образ прошлого, но и превратить его в необходимый фактор перестройки.

Т. К. ХОДЖАЙОВ

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Происхождение народов, их этническая история — важная проблема, постановка которой в значительной мере обязана успехам советской исторической науки. Интерес к ней предопределен уже национальной политикой нашего государства; с развитием национальных культур растет интерес народов к своему прошлому, к истории своего происхождения. Внимание к этой проблеме не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с разработкой новых методов и подходов с широким использованием достижений разных наук, у которых большая разрешающая способность, что позволяет открывать новые горизонты в этих исследованиях. Одна из перспективных форм междисциплинарного сотрудничества — разработка и осуществление комплексных научных программ. Такова, в частности, утвержденная Отделением истории АН СССР крупномасштабная программа «Этногенез и этносоциальные процессы современности», в разработке которой принимают участие антропологи, археологи, этнографы, востоковеды, лингвисты и др. Конечная цель программы — создание сводного труда «Этническая история человечества».

Изучение этногенеза и этнической истории народов Советского Союза с древности до наших дней позволяет выявить мощный фундамент, на котором развиваются этнические и этнокультурные процессы современности. Всестороннее исследование с правильных, марксистско-ленинских позиций этногенеза и этнической истории народов СССР име-

ет важное значение для воспитания масс в духе интернационализма и советского патриотизма, борьбы с различными проявлениями местничества, национализма и шовинизма. При этом надо уделять серьезное внимание изучению не только особенного, но и общего в этногенезе народов СССР, развивать сравнительно-типологические исследования, охватывающие крупные регионы с многонациональным населением¹. Особенно актуально это для научных коллективов союзных и автономных республик, где несмотря на многонациональный состав их населения, преобладает еще тенденция изучения только своего народа.

Институт археологии АН УзССР разрабатывает проблему этногенеза и этнической истории народов Средней Азии главным образом на материалах антропологии и археологии с широким использованием достижений как общественных, так и естественных наук. Исследование проблемы не может быть локализовано лишь современными границами расселения среднеазиатских народов, ибо их этнические и культурные связи издревле были динамичными и охватывали соседние народы Передней и Южной Азии, евразийских степей, Западной и Южной Сибири. Поэтому при выполнении намеченных программ по антропологии необходимо изучать население не только Узбекистана, но и соседних среднеазиатских республик, а иногда выходить и за пределы Средней Азии.

Большая роль в палеоантропологических исследованиях принадлежит археологии. Датировка антропологического материала, определение хозяйственно-культурного типа, принадлежности населения к городу, селу или кочевому скотоводству и т. д. устанавливаются данными археологии. Так что в плане изучения древнего населения антропология тесно кооперируется с археологией. А при разработке проблем этнической истории современных среднеазиатских народов антропология должна опираться на данные этнографической науки и письменные источники, содержащие сведения о расселении этно-территориальных групп Средней Азии.

В рамках одной статьи трудно затронуть все вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Поэтому здесь мы остановимся лишь на следующих аспектах:

- состояние проблемы;
- время, место и пути формирования основных антропологических типов населения;
- анализ параллельного протекания у населения процессов тюркизации по языку и монголизации по типу;
- динамика развития монголоидного элемента населения;
- взаимоотношения оседлоземледельческого (городского, сельского) и кочевническо-скотоводческого населения.

Эти проблемы выделяются особо, ибо по ним уже имеются новые разработки, которые уточняют ряд моментов этногенеза, и благодаря им наметились пути дальнейшего поиска.

Средняя Азия в силу своего географического положения и происходивших здесь в течение огромного исторического отрезка времени сложных расовых и этнических процессов является важным ключевым регионом, определившим исторические судьбы не только своих, но и соседних народов. Уже в 30—50-е годы XX в. она была одним из наиболее изученных регионов Советского Союза. Большая заслуга в этом принадлежит ташкентской антропологической школе, а также московским и ленинградским антропологам, которыми были определены контуры расселения основных антропологических типов и картина их геог-

¹ XXVII съезд КПСС и задачи советских этнографов // Советская этнография, 1986. № 2. С. 3—13.

рафического и хронологического соотношения. Средняя Азия была разделена на три антропологические области²: юго-западную, центральную и северо-восточную, заселенные европеоидами и монголоидами. Конкретно говоря, к первым принадлежат туркмены (восточносредиземноморская раса), а также узбеки и таджики (раса Среднеазиатского междуречья), ко второй — казахи, киргизы и каракалпаки (южносибирская раса).

Если в проблеме происхождения южносибирской и восточносредиземноморской рас между специалистами нет особых разногласий, то этого нельзя сказать об истории формирования расы Среднеазиатского междуречья, характерной для узбеков и равнинных таджиков. Вкратце остановлюсь на этом вопросе.

Ряд антропологов полагает, что раса Среднеазиатского междуречья имеет столь же древнее происхождение, как андроновская и средиземноморская, и сформировалась примерно в эпоху неолита (6—8 тыс. лет назад)³. Другая группа исследователей считает, что эта раса сформировалась в эпоху раннего железа, т. е. около 3 тыс. лет назад⁴. Существует мнение, что раса Среднеазиатского междуречья не имеет внутреннего генетического единства и представляет собой пучок локальных вариантов, морфологически и, возможно, генетически отличающихся один от другого. Первая гипотеза была высказана тогда, когда в Средней Азии краниологических коллекций было крайне мало, и не была подкреплена фактическим материалом. Вторая гипотеза, выдвинутая на основании изучения палеоантропологического материала, была подтверждена исследованиями последних лет. Не исключено, конечно, что процесс сложения расы Среднеазиатского междуречья шел в период раннего железа. Однако новые работы показали, что в это время комплекс признаков расы Среднеазиатского междуречья еще не сложился окончательно и что население характеризовалось, по моему определению, мезокефальным европеоидным типом, имея черты, переходные от андроновской расы к расе Среднеазиатского междуречья.

Сейчас можно заключить, что раса Среднеазиатского междуречья в ее типичном варианте сформировалась в последние века до н. э. Первоначально это произошло в северных и центральных областях Средней Азии — в Хорезмском и Ташкентском оазисах, в Ферганской, Таласской и Чуйской долинах и частично в Зарафшанской долине. В городах и крупных поселениях Южного Узбекистана и Таджикистана эта раса сформировалась немного позднее, в первые века н. э., в результате перемещения значительной массы населения из северных степных областей в южные⁵.

По вопросу о месте сложения расы Среднеазиатского междуречья разногласий еще больше. Существующие точки зрения можно объединить в две противоположные группы. Одни авторы полагают, что эта раса имеет местное происхождение (Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург),

² Ошанин Л. В. Данные к географическому распространению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии//Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Киев, 1931; Ярхо А. И. Ганджинские тюрки (Азербайджанская ССР)// Антропологический журнал. 1932. № 2.

³ Рычков Ю. Г. Происхождение расы Среднеазиатского междуречья: Проблемы этнической антропологии Средней Азии//Научные труды Ташкентского университета. Вып. 235. Ташкент, 1964; Егояже. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). М., 1969; Schwidetzky J. Turaniden Studien//Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur. N 9. Wiesbaden, 1950.

⁴ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

⁵ Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. докт. дис. М., 1981; Егояже. Динамика ареалов антропологичес-

другие считают ее пришлой, сформировавшейся вне Средней Азии. Сторонник второй гипотезы Ю. А. Заднепровский предполагает, что она первоначально сложилась на территории Нижнего Поволжья в савромато-сарматской среде, а затем в результате миграции появилась в Средней Азии⁶. Однако палеоантропологические доказательства в пользу этой гипотезы отсутствуют. В. П. Алексеев и И. И. Гохман местом формирования расы Среднеазиатского междуречья считают Южную Сибирь⁷.

Выяснение генезиса расы Среднеазиатского междуречья затруднено и тем, что до сих пор нет единого мнения, кого из среднеазиатских народов надо считать классическими представителями данной расы: памирцев или современных узбеков и равнинных таджиков. Наши исследования, проведенные на новом фактическом материале, выявили, что черты этой расы лучше всего выражены у узбеков и равнинных таджиков⁸. Памирские народы, как по данным изучения костного ископаемого материала, так и современного населения, необходимо отнести к представителям средиземноморской расы; они значительно ближе к туркменам, относящимся к одной из ветвей этой расы, чем к равнинным таджикам и узбекам, что подтверждает точку зрения В. П. Алексеева⁹.

На первый взгляд, рассматриваемые здесь вопросы — сугубо расогенетические, т. е. посвящены проблемам формирования антропологического облика населения. Однако в ряде специальных публикаций советскими антропологами доказано и сейчас общепризнанно положение о существовании тесной взаимосвязи между историей сложения расового типа (расогенеза) и происхождением того или иного народа (этногенеза)¹⁰.

Остановлюсь на вопросе о параллельном протекании у среднеазиатского населения процессов монголизации по типу и тюркизации по языку. Этот тезис, высказанный в свое время Л. В. Ошаниным, получил широкое распространение среди историков, лингвистов и антропологов. На базе сегодняшнего фактического материала и специального исследования мы пришли к определенным выводам. Наши данные по этому вопросу выявили иную картину: в эпоху раннего средневековья, т. е. ко времени образования Западнотюркского каганата на территории Средней Азии, доля монголоидного компонента по сравнению с предыдущей, античной эпохой у населения не увеличивается, как это предполагалось ранее, а остается на прежнем уровне¹¹.

Поскольку специальных исследований в области языкознания нет, мы не можем определить широту распространения тюркских языков у раннесредневекового населения Средней Азии. По письменным же источникам известно о наличии значительной прослойки тюркского населения в Хорезме, Согде, Чаче, Фергане и других областях Средней Азии. Это наталкивает нас на следующие предположения, которые в

ких типов на территории Средней Азии//Советская этнография. 1983. № 3; Ходжайов Т. К., Джуракулов М. Д. Антропология Средней Азии. Самарканд, 1984.

⁶ Точка зрения Ю. А. Заднепровского приведена в монографии В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой «Палеоантропология Средней Азии». С. 303.

⁷ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984.

⁸ Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент, 1987.

⁹ Алексеев В. П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки//Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974.

¹⁰ Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза//Советская этнография. 1952. № 1.

¹¹ Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии... Ташкент, 1987.

дальнейшем, конечно, требуют специального комплексного исследования.

Априорно мы привыкли считать, что тюрки непременно имели монголоидный облик (центральноазиатского или по крайней мере южносибирского типа) и были похожи на современных тувинцев, казахов или киргизов. Между тем в расовом отношении тюрки были разнородны. По историческим данным известно, что те тюрки, которые до арабского завоевания проникали и оседали в земледельческих районах Средней Азии, чаще всего были выходцами из близких к Средней Азии территорий. По данным палеоантропологии, часть этих тюрков мало отличалась по внешнему виду от местных оседлых племен: монголоидная примесь у них была не больше, чем у среднеазиатских народов (см. материалы средневековых могильников Киргизии и Южного Казахстана). Центральная Азия, бывшая ядром формирования тюркоязычных народов, заселена была в древности европеоидными племенами. Вспомним афанасьевцев Минусинской котловины, племена карасукской и тагарской культур Сибири, скифское население Южной Сибири и Северо-Западной Монголии, которое было европеоидным. Лишь в более позднее время население этих регионов приобрело монголоидный облик.

До сих пор мы рассматривали процесс расогенеза в Средней Азии, не учитывая передвижения части ее населения и его влияния на расогенез соседних территорий. Между тем в эпоху раннего средневековья значительные массы исконно среднеазиатских народов, а именно согдийцев, двинулись на восток и образовали колонии, наиболее восточные из которых известны на территории Забайкалья, Монголии и Китая. Роль согдийской колонизации до сих пор специально не исследована, а она, конечно же, сыграла определенную роль в «размывании» монголоидного комплекса черт у некоторых народов Центральной и Восточной Азии.

Среди современного населения Средней Азии проживают различные группы тюркского населения, представляющие собой прямых потомков древних тюрков. Эти группы сохранили свои родоплеменные названия (тюрки-карлуки, тюрки-калытатаи и т. д.). Они были исследованы разными авторами и нами в Ургутском районе Самаркандской области Узбекской ССР, Пенджикентском районе Ленинабадской области Таджикской ССР и других районах. Выявилось, что они европеоиды и имеют слабую монголоидную примесь в своем расовом составе.

Касаясь вопроса, связанного с языком, следует отметить, что смена языка не всегда сопровождается сменой населения. Примером тому может служить то, что в течение I—II тыс. н. э. на территории Средней Азии сменилось три языка: сначала восточноиранский, затем западноиранский и тюркский. В то же время антропологический состав населения существенно не изменился.

Анализ степени нарастания монголоидных особенностей у населения Средней Азии в течение последних 2,5 тыс. лет был проведен нами на огромном, в том числе новом, материале. Схема, явившаяся результатом этой работы, существенно отличается от общепринятой. Выявлены три этапа интенсивного притока монголоидного населения в Среднюю Азию: середина I тыс. до н. э.; XI—XIII вв. и XVI—XVII вв. (переселения племен из Дашти-Кипчака).

Как отмечено выше, в середине I тыс. до н. э. в Среднюю Азию проникает население с монголоидными особенностями. Однако их появление было характерно не для всего региона, а только для определенных районов: юго-запада и юго-востока Арала, степной западной части Зарафшанской долины, Тяньшаня и Алая. По данным антропологии, кочевые племена в период античности в основном проникали и оседали в городской среде и крупных укрепленных поселениях, в эпоху же средневековья они проникали в сельскую местность и оседали там, а в город-

скую среду внедрялись крайне редко. Выявленный на антропологическом материале исключительно важный исторический факт, характеризующий взаимоотношения оседлого и кочевого населения, одновременно может иметь и этногенетическую, и социальную основу, и требует дальнейшего комплексного исследования.

Для XI—XIII вв. пока лишь данными антропологии достоверно устанавливается значительный приток монголоидного населения из северо-восточных областей в Центральный Мавераннахр, а именно в район междуречья Карадарьи и Акдарьи (Самаркандская область), известного в средние века как Мианкаль. Подобное явление отмечено и для Кашкадарьинской долины, Северного и Южного Таджикистана, Северной Ферганы, Ташкентского и Хорезмского оазисов. Эта мощная переселенческая волна, видимо, дошла и до Мерва. К сожалению, в исторических источниках, исследованиях историков и археологов она не зафиксирована, и целенаправленные работы в этом аспекте значительно обогатили бы наши знания о средневековой истории населения упомянутых регионов.

Хотелось бы отметить и такое обстоятельство, выявленное на материалах последних лет. Все исследователи единодушно считают, что монгольское завоевание Средней Азии резко увеличило монголоидность местного населения. Однако наши исследования позволяют внести поправки в этот общепринятый тезис. В действительности доля монголоидного элемента резко увеличивается не с XIII в., а несколько ранее, с XI в., причем этот процесс протекал интенсивно не по всей территории региона, а охватил лишь северные и северо-восточные области — Казахстан и Киргизию. Существенные различия по степени монголоидности между до- и послемонгольскими периодами в южных и центральных областях не устанавливаются. Таким образом, антропологические данные показывают своеобразие и различия расогенетических и этногенетических процессов у кочевническо-скотоводческого и оседлоземледельческого населения северных и северо-восточных районов и центральных и южных областей Средней Азии.

Подводя итоги палеоантропологических исследований, отметим, что территория Средней Азии на протяжении нескольких тысячелетий была зоной контактов различных антропологических типов, как европеоидных, так и монголоидных, и связанных с ними лингвистических и этнокультурных провинций. Это обусловило значительную неоднородность антропологического состава коренных ее жителей с древнейших времен до современности.

Хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. До начала 1970 г. с территории Узбекистана были собраны палеоантропологические материалы из 80 памятников, а по всей Средней Азии количество краниологических коллекций достигало 160. Сейчас антропологические материалы получены из 190 памятников только с территории Узбекистана и из 270 — с территории всей Средней Азии. Итак, 70% памятников, давших антропологический материал, приходится на долю Узбекистана. Это позволяет осуществить дальнейшее углубленное изучение проблем сложения не только узбекского народа, но и народов Средней Азии в целом. Если к этому еще прибавить современное население, планомерное исследование которого уже начато по комплексной программе, то мы вправе ожидать значительных сдвигов в разработке проблем этногенеза и этнической истории среднеазиатских народов и особенно узбеков.

В последние годы во всех республиках Советского Союза, в том числе Средней Азии, проводятся широкие антропологические исследования современного населения, носящие комплексный характер. Учитывая сложную специфику антропологического состава населения Сред-

ней Азии (наличие крупных территориальных, лингвистических, хозяйственно-культурных и этнографических групп), нами ведутся планомерные работы, которыми охвачены все основные этно-территориальные группы в составе народов Средней Азии. Современная антропология предоставляет в наше распоряжение огромное разнообразие методических приемов, нацеленных на изучение структурно-морфологических и функционально-физиологических особенностей человеческого организма. Многие из них имеют генетическую основу и эти признаки обнаруживают интенсивную географическую изменчивость. Изучая эти особенности, можно установить морфологические и физиологические различия между группами населения. Интерпретировать эти различия можно и с генетической точки зрения, которая непосредственно касается проблем этногенеза и реконструкции взаимоотношений предков современных среднеазиатских народов. С этой целью мы наметили и уже начали проводить антропологические исследования около 50 территориальных групп общей численностью свыше 30 тыс. человек. Работы эти находятся в стадии сбора полевого материала и его научной обработки.

В заключение подчеркнем, что ни расогенез, ни этногенез населения Средней Азии не могут быть изучены с исчерпывающей полнотой без материалов со смежных южных территорий (Индия, Пакистан, Афганистан, Иран). Генетические, исторические, хозяйственно-культурные связи Среднеазиатского региона с этими областями всегда были чрезвычайно тесными и едва ли не определяющими. Только с учетом этих связей, отразившихся, естественно, и в расовом типе среднеазиатских народов, возможно успешное решение указанных проблем.

Н. Н. ХАКИМДЖАНОВ

КУРС НДПА НА РАСШИРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ АПРЕЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глубокие революционные перемены происходят ныне в Республике Афганистан.

Апрельская революция 1978 г., свергнув власть ненавистных народу эксплуататоров, выдвинула общедемократические задачи: уничтожение феодальных и дофеодальных пережитков, ограничение крупного помещичьего землевладения и наделение земель безземельных и малоземельных крестьян и батраков, подъем национальной экономики, повышение жизненного уровня населения, развитие национальных культур народов Афганистана, демократизация общественной и политической жизни¹.

Эти задачи настойчиво решаются Народно-демократической партией Афганистана. Она была создана в 1965 г. В том же году была принята ее Программа, опубликованная в газете «Хальк». В ней, в частности, указывалось, что «политической опорой национально-демократического правительства Афганистана будет объединенный национальный фронт всех прогрессивных демократических и патриотических сил, т. е. рабочих, крестьян, передовой интеллигенции, ремесленников, мелкой и средней буржуазии, национальной буржуазии, которые борются за национальную независимость, обеспечение демократии в общественной жизни, за доведение до конца демократического, антиимпериалистического и антифеодального движения»².

После победы Апрельской революции 1978 г., однако, программное положение о создании Объединенного национального фронта не

¹ См.: Тезисы ЦК НДПА ко второй годовщине Саурской революции. Б. М., 6 г.

² См.: Хальк. 1965. 11 апр. (на яз. дари).

было реализовано, тем самым была упущена реальная возможность вовлечения в революционный процесс широких демократических сил. Национальный Отечественный фронт Афганистана был создан лишь в 1981 г.

Активизация революционных масс после Апрельской революции вызвала тревогу в лагере врагов революции и началась подготовка к контрреволюционному перевороту. В целях свержения законного правительства в Афганистане стал создаваться блок внутренней и внешней контрреволюции, началось активное вмешательство империалистических сил во внутренние дела Афганистана.

Реальную угрозу революционному процессу в стране создал приход к власти клики Х. Амина. Он начал постепенно превращать партию в инструмент личной политики, предпринял репрессии против мирных жителей и неугодных ему членов НДПА — истинных революционеров. Даже такие важнейшие преобразования, как земельная реформа и ликвидация неграмотности, проводились недопустимыми, насильственными методами, грубо игнорировались традиции и религиозные убеждения населения. Таким образом, искажалось прогрессивное содержание реформ.

Огромный вред нанес Амин единству партии своей раскольнической деятельностью, которую он начал еще до революции и последствия которой ощущались и в дальнейшей жизни партии.

Ошибки, допущенные руководством, сектантский подход к вопросу создания Национального фронта, усугубление политических и экономических трудностей вследствие предательской политики Амина, нарушение им принципов демократии и революционной законности привели к сужению социальной базы революции, создали угрозу потери партией доверия народных масс, часть народа стала подпадать под влияние контрреволюции. В стране создалось критическое положение.

27 декабря 1979 г. патриотические силы, опираясь на народную армию, свергли режим Х. Амина, начался новый этап Апрельской революции. На этом этапе перед партией встала такая важная задача, как расширение социальной базы революции и восстановление доверия народа к партии.

Апрельский пленум ЦК НДПА 1980 г. принял новый Устав НДПА, который организационно оформил единство и консолидацию партийных рядов снизу доверху. Важным программным документом стали «Тезисы ЦК НДПА ко второй годовщине Апрельской революции»³. В этом документе наряду с анализом начального этапа Апрельской революции были определены ее цели и задачи на будущее.

В области внутренней политики это — защита завоеваний революции, независимости Афганистана; укрепление дружбы народов страны, единства рядов партии; развитие демократии, неуклонное расширение участия трудящихся и их общественных организаций, объединенных в широкий Отечественный фронт, в управлении государством; повышение боеспособности армии; вопросы развития экономики, повышения благосостояния народа; ликвидация неравенства в развитии различных национальных районов страны и многие другие задачи, направленные на улучшение жизни трудящихся, свободу вероисповедания, поддержку и развитие лучших традиций афганского народа.

Во внешней политике Республика Афганистан борется за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования, неприсоединения, интернациональной солидарности. Как недавно было заявлено на Лойя Джирге, Афганистан был и остается независимым, суверенным,

³ См. Тезисы ЦК НДПА ко второй годовщине Саурской революции.

целостным, неприсоединившимся и дружественным всем странам государством⁴.

14 апреля 1980 г. Революционный Совет Республики принял «Основные принципы ДРА» и объявил о введении их в действие с 21 апреля 1980 г.⁵ Этот документ стал по существу временной конституцией республики. Он действовал до принятия Лойя Джиргой (Высшим советом) Конституции страны 30 ноября (9 кауса) 1987 г. Принятию Конституции предшествовало всенародное обсуждение, в котором приняло участие более 2 млн. человек.

В Тезисах ЦК НДПА ко второй годовщине Апрельской революции основой государственной власти определяется «союз рабочих и крестьян при поддержке и участии в нем всех трудящихся, всех подлинных патриотов и достойных сынов... Родины — интеллигенции, солдат и офицеров революционных вооруженных сил, ремесленников, кочевников, патриотически настроенных религиозных деятелей, предпринимателей и торговцев»⁶. Формой политической организации масс этого союза выступает Национальный Отечественный фронт. Эти же положения нашли свое отражение в ст. 3 «Основных принципов ДРА». Там, в частности, говорится: «Национальный Отечественный фронт призван способствовать объединению всех сил народа для совместных действий по осуществлению задач национально-демократического развития страны, содействовать патриотическому воспитанию населения, широкому вовлечению граждан в управление делами государства и общества»⁷.

Указанные документы свидетельствуют о неуклонном стремлении НДПА и революционной власти к единству и сплоченности национальных патриотических сил, расширению социальной базы Апрельской революции. Эти положения имеют решающее значение на данном этапе революционного процесса в Афганистане.

Окончательный успех национально-демократической революции решается не только взятием власти, он решается в борьбе с силами контрреволюции, за достижение экономической независимости. И здесь подтверждаются слова В. И. Ленина о том, что «для успешного управления необходимо, *кроме* уметь убедить, *кроме* уметь победить в гражданской войне, уметь *практически организовать*»⁸.

Вооруженная революционной теорией НДПА развернула активную деятельность по объединению патриотических сил страны.

Важным событием в жизни республики стал созыв в июне 1981 г. Учредительного конгресса Национального Отечественного фронта (НОФ), в котором приняли участие 940 делегатов от различных общественных организаций и творческих союзов. Итогом работы конгресса явилось создание НОФ, принятие его Устава. Были приняты также «Обращение Учредительного конгресса к народам региона» и «Обращение Учредительного конгресса ко всем соотечественникам на родине и за рубежом».

Однако, как отмечалось на XVI пленуме ЦК НДПА в ноябре 1985 г., НОФ за время своего существования не сумел охватить своим влиянием те слои и группы населения, которые по различным мотивам: социальным, национальным, религиозным — находятся в стороне от революционного процесса⁹.

На XVI пленуме ЦК НДПА была выработана новая программа

⁴ См.: Курс — национальное единство//Комсомольская правда. 1987. 1 дек.

⁵ Демократическая Республика Афганистан: Справочник. М., 1981. С. 153—166.

⁶ Тезисы ЦК НДПА ко второй годовщине Саурской революции.

⁷ Демократическая Республика Афганистан... С. 154.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 173.

⁹ Материалы Учредительного конгресса Национального Отечественного фронта. Кабул, 1981.

расширения социальной базы Апрельской революции. Пленум отметил недостаточность принятых мер для завоевания масс, для их перехода на сторону народной власти, констатируя, что национально-демократическая революция до сих пор не добилась поддержки большинства народа и даже большинства трудящихся¹⁰.

Поэтому первоочередной задачей НДПА остаются расширение воздействия на массы, достижение их поддержки. Только так можно изолировать, а затем подавить контрреволюционные силы.

На XVI пленуме ЦК НДПА был сделан анализ социальной структуры населения и влияния НДПА в различных социальных слоях общества. Анализ показал слабость партийного влияния среди крестьян и ремесленников. Из 3,6 млн. крестьян партийцев — 24,5 тыс., или 0,66%¹¹. Ремесленников в Афганистане 300 тыс., а в партии — всего 1,6 тыс. человек¹². Из 420-тысячного рабочего класса — 19,3 тыс. членов НДПА¹³. 76,1 тыс. партийцев представляют 190-тысячную армию интеллигенции¹⁴. В стране насчитывается 9,8 млн. детей и молодежи, 7,5 млн. женщин, 250 тыс. религиозных деятелей¹⁵.

Социальная пестрота населения требовала от партии и государства дифференцированного подхода к ним, выработки своей политики с учетом их особенностей.

В «Программе действий НДПА» и Декларации Революционного Совета ДРА от 9 ноября 1985 г. дается подробная характеристика всем основным классам и социальным слоям и выражается позиция партии и государства по отношению к ним¹⁶.

В Декларации Ревсовета изложен новый подход к вопросам расширения социальной базы народной власти, суть которого заключается:

— в готовности к широкому общенациональному сотрудничеству в интересах всего народа и национального примирения;

— во введении в состав высших государственных органов, а именно в Ревсовет, Совет Министров авторитетных представителей различных слоев и групп населения;

— в расширении диалога на основе патриотизма и заботы о благе Отечества с теми группами, которые нейтральны или еще занимают враждебные революционные позиции;

— в возможных компромиссах во имя национального согласия, ради установления всеобщего мира и безопасности.

Ревсовет обратился с призывом ко всем патриотам свободного Афганистана включиться в историческое обновление и национальное возрождение страны. Что касается афганцев, находящихся за рубежом, то им были гарантированы по возвращении безопасность без всякой дискриминации, уважение к их человеческому достоинству, предоставление возможности включиться в строительство независимого Афганистана.

В материалах XVI пленума раскрываются основная цель и сущность нового подхода: «Прекращение кровопролития, установление общенационального мира и безопасности в стране»¹⁷.

Для достижения этой цели перед партией и государством ставилась задача с учетом интересов всех трудящихся создать условия для широкого общенационального сотрудничества, организовать в рамках

¹⁰ Материалы XVI пленума ЦК НДПА. Кабул, 1985.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Документы Общенациональной конференции НДПА. Кабул, 6. г. (на дари).

¹⁷ Материалы XVI пленума ЦК НДПА.

НОФ союз всех патриотических сил. Особое внимание уделялось работе с теми группами населения, которые еще не были вовлечены в революционный процесс, но уже находились не на стороне контрреволюции.

В материалах пленума нашли отражение политические, экономические, военно-политические и международные аспекты расширения социальной базы революции, конкретные пути их достижения. Перед партийными и государственными органами ставились задачи: уделить внимание прежде всего формированию и укреплению органов народной власти на местах, творчески подойти к формированию состава исполкомов джирг, оказать помощь в их деятельности; возникшие разногласия решать не оружием, а на основе «диалога во имя свободы и независимости страны»¹⁸.

В целях расширения участия народа в делах государства было решено ввести в состав Ревсовета, Совмина, министерств, центральных и местных органов самых достойных и сознательных беспартийных представителей всех слоев и классов страны.

На пленуме подчеркивалось, что особого внимания требуют взаимоотношения народной власти с духовенством. Много делается, чтобы привлечь служителей культа на сторону революционно-демократической власти. О значении этой работы говорит уже тот факт, что на одно учреждение культа приходится 670 человек, а на одного служителя культа — 60 мусульман¹⁹.

Расширение социальной базы революции связано и с ликвидацией неграмотности. Правительство принимает практические меры по оказанию помощи школам, больницам и детским учреждениям; особое внимание уделяется сравнительно отсталым районам страны.

С учетом того, что Афганистан — многонациональная страна, пленум отметил, что государство должно строить отношения с племенами на основе учета и удовлетворения их экономических, торговых, религиозных и традиционных интересов. Расширяется разъяснительная работа среди свободных приграничных пуштунских и белуджских племен. Работа с приграничными племенами и привлечение их на сторону правительства Республики Афганистан — важная задача местных партийных и государственных органов, особенно Вооруженных Сил и НОФ²⁰.

Большая работа проводится в области военного строительства. Укрепляется способность Вооруженных Сил республики самостоятельно решать задачи обороны, разгрома засылаемых из-за рубежа душманских банд. Ставится задача создать 200-тысячную афганскую армию²¹.

Широкие слои народа все отчетливее понимают, что укрепление связи партии с народом станет залогом успехов в нормализации обстановки в Афганистане.

Особое значение для дальнейшего укрепления республики имеют решения XVIII пленума ЦК НДПА, взявшего твердый курс на перестройку и обновление всех сфер общественно-политической жизни. Пленум избрал на пост Генерального секретаря ЦК НДПА Наджибулла, одного из видных деятелей НДПА.

Неотложные задачи партии и государственной власти были определены на XIX пленуме ЦК НДПА, который подтвердил верность партии идеям XVI пленума, указал на те недостатки, которые мешают продвижению партии и государства вперед, и определил конкретные пути их преодоления. Выступая на пленуме, Наджибулла назвал «разрыв между словом и делом, слабость революционной дисциплины,

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

отсутствие объективности в оценках сделанного, слабость критики»²² главными недостатками. Далее он подробно остановился на вопросах военного, государственного, хозяйственного и партийного строительства, расширения социальной базы власти, наметил главные задачи, стоящие перед партией. Источником силы для решения этих задач служат «доверие народа, его инициатива, преданность своей партии, своей власти»²³.

20 ноября 1986 г. состоялся XX пленум ЦК НДПА. Он дал мощный импульс делу расширения социальной базы революционной власти. На пленуме был заслушан доклад Генерального секретаря ЦК НДПА Наджибуллы «О ходе выполнения решений XVI пленума ЦК НДПА и некоторых неотложных задачах партии», в котором на основе анализа выполнения решений XVI пленума развиты дальше его идеи²⁴.

Центральное место на пленуме занял вопрос общенационального примирения как важного фактора расширения социальной базы государственной власти. Было отмечено, что НДПА, хорошо зная чаяния народа, борется за его интересы, возглавляет революционные преобразования и настойчиво осуществляет курс на примирение. Генеральный секретарь ЦК НДПА подчеркнул готовность к взаимопониманию и компромиссам. Это было подтверждено на Чрезвычайном расширенном пленуме ЦК НДПА, который выработал конкретную программу достижения общенационального мира²⁵.

В начале января 1987 г. Ревсовет Афганистана принял Декларацию под названием «О национальном примирении в Афганистане». Это было начало реализации курса на примирение, основы которого были заложены на XVI пленуме ЦК НДПА. В этом документе Ревсовет провозглашает прекращение огня в одностороннем порядке с 15 января сроком на 6 месяцев. При соблюдении противоположной стороной условий перемирия, оно может быть продлено. Стремясь ускорить процесс национального примирения, Ревсовет опубликовал 14 заявлений об уступках и компромиссах противоположной стороне²⁶. Оппозицию неоднократно приглашали высказать свои замечания, встретиться в любом месте. Но она отмалчивалась. Тем не менее линия на национальное примирение завоевывает все больше сторонников среди широких масс населения.

В ноябре 1987 г. в Кабуле работало Высшее собрание — Лоя Джирга. 1350 делегатов единодушно утвердили первую Конституцию Республики Афганистан, единогласно избрали президентом республики Наджибуллу. Ввиду того, что революционный Совет сыграл свою роль, он упразднен. Введена многопартийность. НДПА отказалась от монополии на власть. Верховный орган государственной власти будет сформирован на коалиционной основе и в нем будут представлены все патристические силы, поддерживающие идею примирения. Им станет Национальный Совет. Введение многопартийности, однако, не означает, что НДПА отказалась от своих принципов. В новых условиях авторитет партии будет зависеть от ее связи с массами, от того, насколько широко будет она выражать интересы масс. Конституция отмечает заслуги НДПА перед революцией и страной. ДРА по Конституции стала именоваться Республикой Афганистан.

Афганское руководство, как видим, разработало комплекс мер, направленных на национальное примирение, включая предложения о

²² См.: Материалы XIX пленума НДПА. Кабул, 1986 (на дари).

²³ См. там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Доклад Наджибуллы «Новая Конституция — Конституция национальной демократии и примирения»//Известия. 1987. 1 дек.

создании коалиционного правительства и разделении власти с оппозиционными силами.

НДПА стремится сплотить все подлинно патриотические силы страны в интересах национального примирения. Взятый ею, афганским руководством во главе с президентом Наджибуллой курс оформился, как отмечает М. С. Горбачев, «в патриотическую и реалистическую политику национального примирения», основанную на признании принципов «многопартийности в политической области и многоукладности — в экономической»²⁷.

«Политика национального примирения,— говорится в заявлении М. С. Горбачева по Афганистану,— это выражение нового политического мышления с афганской стороны. В ней проявляется... сила духа, мудрость, достоинство свободных, честных и ответственных политических руководителей, озабоченных настоящим и будущим своей страны»²⁸.

За годы новой власти в республике сделано уже немало. Укрепляется революционная власть, проведены выборы в местные органы власти и управления. Растут ряды НОФ и общественных организаций. За годы революции численность членов профсоюзов выросла с 28 тыс. до 280 тыс., ДОМА — с 5 тыс. до 155 тыс., ДОЖА — с 3 тыс. до 50 тыс. В НОФ входят 18 организаций и объединений, насчитывающих 800 тыс. членов²⁹.

Выступая на Общепартийной конференции НДПА 18 октября 1987 г., Генеральный секретарь ЦК НДПА Наджибулла отметил конкретные результаты политики национального примирения: «За десять месяцев после чрезвычайного Пленума на сторону народной власти перешло 1600 кишлаков, и теперь государство контролирует 8,5 тысячи кишлаков (более трети всех жилых деревень в стране), а также все 45 городов, 214 уездов и волостей. Практически полностью освобождены от экстремистских банд провинции Фарах, Нимруз, население которых объявило их зонами мира. Из пакистанских и иранских лагерей беженцев на родину, несмотря на препятствия, вернулось 90 тысяч человек. На сторону народной власти перешло 30 тысяч мятежников, с ними вернулось к мирной жизни более 100 тысяч членов их семей»³⁰.

В связи с проводимыми в последнее время мероприятиями поддержка широких масс все более нарастает, что подтверждает правильность избранного пути, который в конечном счете должен привести к подлинному национальному примирению, укреплению Республики Афганистан как мирного, независимого, неприсоединившегося, нейтрального государства суверенного афганского народа.

²⁷ Правда. 1988. 10 февр.

²⁸ Там же.

²⁹ Справочник пропагандиста-международника. М., 1986.

³⁰ См.: Доклад Наджибуллы «О задачах партии по ускорению процесса национального примирения и некоторых изменениях в программе действий НДПА»// Правда. 1987. 19 окт.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ УЗБЕКИСТАНА

XXVII съезд КПСС выдвинул в качестве главного рычага интенсификации народного хозяйства необходимость кардинального ускорения научно-технического прогресса, широкого внедрения современной техники, принципиально новых технологий, обеспечивающих наибольшую производительность труда. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС отметил, что «двенадцатая пятилетка имеет для нас определяющее значение в модернизации отечественного машиностроения, обновлении производственного аппарата и ускорении научно-технического прогресса»¹. В решении этой задачи партия рассчитывает на высокую творческую активность и мастерство советского рабочего класса, прежде всего рабочей молодежи.

XX съезд ВЛКСМ указал, что «место всего комсомола в авангарде молодежи — на самых трудных, самых ответственных участках перестройки»². Для ускорения перестройки, темпов научно-технического прогресса необходимо шире вовлекать в техническое творчество рабочую молодежь, ибо именно из ее среды идет формирование рабочего нового типа.

Трудовая деятельность современной молодежи формируется под воздействием научно-технического прогресса — базы развития творческой деятельности рабочих, всемерного вовлечения их в массовое рационализаторство и изобретательство.

Научно-техническое творчество молодежи (НТТМ) — составная часть ее трудового воспитания, ее конкретный вклад в работу по увеличению производства, повышению качества продукции и снижению ее себестоимости. Как говорилось на XXIII съезде ЛКСМУз, «надо сконцентрировать усилия молодежи на дальнейшем развитии движения молодых новаторов и рационализаторов»³.

Между тем в Узбекистане в деле привлечения рабочей молодежи к научно-техническому творчеству имеется много нерешенных проблем.

Формами вовлечения рабочей молодежи в научно-техническое творчество на предприятиях являются молодежные творческие бригады, школы молодого изобретателя и рационализатора, научно-технические смотры, конкурсы, соревнования молодых новаторов и др. Лишь за годы XI пятилетки при участии молодежи было внедрено 100 тыс. рационализаторских предложений с экономическим эффектом более 120 млн. руб. Свыше 340 тыс. юношей и девушек республики — члены НТО и ВОИР. 80 творческих молодежных коллективов участвуют в реализации целевых комплексных программ⁴. Только на заводе «Узбексельмаш» рационализацией занимаются более 1000 рабочих и ИТР. Ежегодно проводятся смотры-конкурсы лучших рационализаторских предложений: по улучшению качества выпускаемой продукции; по повышению производительности труда; конкурс предложений, разработанных молодыми рабочими⁵. В Ташкентском АПО им. В. П. Чкалова в 1985 г. насчитывалось 7680 рационализаторов и изобретателей, из них 43% — молодежь в возрасте до 30 лет. В цехах объединения, особенно среди молодежи, ведется работа по пропаганде технических достижений и творческих приемов, направленных на рациональное использование энергии, технологического оборудования, рабочей силы, сбережение государственных средств.

Экономический эффект в 6 тыс. руб. принесло рационализаторское предложение комсомольца А. А. Хатамова, работающего на Кургантепинской прядильно-ткацкой фабрике. Он предложил заменить прямую передачу на ременную в съемном моторе

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 19.

² Правда. 1987. 16 апр.

³ Комсомолец Узбекистана. 1987. 21 февр.

⁴ Текущий архив ЦК ЛКСМУз. Материалы отдела рабочей молодежи.

⁵ А б д у р а х м а н о в Ф. Творческая трудовая активность рабочего класса. Ташкент, 1986. С. 58.

на машине Т-16. Электрослесарь из г. Зарафшан С. П. Юдин изменил конструкцию крепления электрода в компрессоре, что дало экономический эффект почти в 2 тыс. руб.⁶

Однако, несмотря на некоторые сдвиги в научно-техническом творчестве молодежи, в XI пятилетке в республике наблюдался спад в его развитии. Количество авторов, подавших в эти годы рационализаторские предложения и заявки на изобретения, составило 258 тыс. — на 34,2 тыс. меньше, чем за предыдущее пятилетие. Снизились качество и объем реализации поданных рационализаторских предложений и заявок на изобретения⁷. На заседании Республиканского совета содействия научно-техническому прогрессу в феврале 1986 г. отмечалось, что «масштабы и эффективность использования достижений современной науки и техники в большинстве отраслей экономики республики не соответствуют уровню требований, выдвинутых апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС. Одна из причин этого — несовершенство действующего механизма управления научно-техническим прогрессом»⁸.

В полной мере это относится и к НТТМ. Усилия молодых специалистов не сосредоточены на создании техники, соответствующей общесоюзным и мировым образцам. XXIII съезд ЛКСМУз указал, что «к решению задач научно-технического прогресса, техническому перевооружению предприятий, внедрению новой техники и технологии молодые рабочие, техники привлекаются пока слабо. На 1 тыс. молодых людей в республике приходится в среднем 8 рационализаторских предложений и изобретений, что в 3 раза меньше, чем по стране. Но из этого малого числа практическое воплощение на производстве находит менее половины»⁹. Это объясняется тем, что комитеты комсомола, Советы НТО и ВОИР допускают срывы сроков выполнения мероприятий; не оказывают решающего воздействия на ход выполнения мероприятий, не добиваются широкой поддержки молодых новаторов со стороны администрации, участия в процессе внедрения всех заинтересованных служб, подразделений предприятий. Тем самым часть молодежи исключается из участия в работе научно-технических обществ.

Недостаточная вовлеченность рабочей молодежи в НТТМ во многом объясняется относительно невысоким уровнем образования, квалификации и производственного стажа многих молодых рабочих.

Одна из форм привлечения рабочей молодежи к НТТМ — создание творческих молодежных коллективов. Их в республике сейчас насчитывается 160, но в реализации целевых комплексных программ участвуют лишь 80, т. е. половина молодежных коллективов. Таким образом, максимальной отдачи от подобных коллективов пока нет, хотя положительный опыт в этом направлении имеется. Например, молодые специалисты НПО «Технолог» совместно с рабочими и специалистами завода «Ташсельмаш» сконструировали и установили 24 ед. автоматизированного оборудования, что позволило существенно повысить качество выпускаемых хлопкоуборочных машин¹⁰.

Большинство коллективов, однако, характеризуют пассивность, низкая организаторская роль комитетов комсомола, формальное отношение к вовлечению рабочей молодежи в НТТМ.

Все еще крайне медленно идет внедрение научных разработок в практику народного хозяйства. Как указал XXIII съезд ЛКСМУз, «необходимо, чтобы ни одна дельная мысль, ни одно полезное предложение не осталось только на бумаге. Сегодня этот вопрос приобретает не только экономическое, но и политическое значение, так как эта работа связана с формированием у работающей молодежи коммунистических общественных отношений. Какой моральный ущерб наносится молодому новатору, когда его интересная, полезная работа, часто отмеченная премией Ленинского комсомола, не находит поддержки ни в министерствах, ни в комсомольских комитетах»¹¹.

Важная форма вовлечения рабочей молодежи в НТТМ — смотр научно-технического творчества молодежи, которые проходят под девизом «Пятилетке — энтузиазм и творчество молодых». В 1986 г. в Узбекистане в смотре научно-технического творчества молодежи приняли участие 1,2 млн. юношей и девушек. Творческий молодежный коллектив Андижанского завода «Электродвигатель» в составе Г. М. Вахидова, В. С. Колосова, В. С. Барыбина, Н. Д. Токарева, Н. М. Лебедева, Г. А. Крулицадилли предложил изменение конструкции двигателей 4А100, 4АМ100 и модификацию их путем применения подшипников. В результате повысилось качество выпускаемой продукции. Экономический эффект составил 200 тыс. руб. Рабочие Сырдарьинской райсельхозтехники М. Урунбаев и Е. Никитенко предложили модернизировать гидравлический съемник для снятия шкивов с валов обработки на ворохоочистителях. Экономический эффект от их предложения — 2,5 тыс. руб. Наиболее интересные пред-

⁶ Текущий архив ЦК ЛКСМУз. Материалы отдела рабочей молодежи.

⁷ Узбекистан за годы XI пятилетки (1981—1985 гг.). Ташкент, 1986. С. 16.

⁸ Правда Востока. 1986. 15 февр.

⁹ Комсомолец Узбекистана. 1987. 21 февр.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ложения молодых новаторов были рекомендованы на Всесоюзный смотр на ВДНХ СССР.

Эффективной формой привлечения рабочей молодежи к НТТМ служат конкурсы профессионального мастерства под девизом «Пятилетке — мастерство и поиск молодых», «Лучший в своей профессии», «Мастер — золотые руки». В конкурсах проявляется дух состязательности, творческого соперничества. При их организации реализуются важнейшие ленинские принципы социалистического соревнования: конкретность, гласность, оперативность, возможность глубокого изучения и повторения опыта лучших. По результатам конкурса рабочей завода «Ташсельмаш» Наиле Муталовой трижды присваивалось звание «Лучший молодой рабочий цеха»¹². Победителями конкурса стали также электросварщик Ю. Саидов, токарь И. Фатихов, сварщик С. Богданов.

Конкурсы позволяют выявить лучших рабочих, проследить рост их квалификации и мастерства. Но нередко в них участвуют одни и те же рабочие, мало среди них молодежи. Плохо организована гласность, не всегда организаторы конкурсов находят поддержку со стороны администрации и комитетов комсомола.

Как известно, XX съезд ВЛКСМ заявил о «создании в стране единой общественно-государственной системы научно-технического творчества молодежи»¹³. Съезд указал на необходимость глубокого изучения опыта решения этой проблемы. Эффективной формой привлечения рабочей молодежи к НТТМ, на наш взгляд, могла бы стать так называемая трехступенчатая система. Она позволяет дифференцированно подойти ко всем возрастным и профессиональным категориям рабочей молодежи и обеспечить большую массовость движения. Первая ступень предусматривает разработку двух рационализаторских предложений, сдачу продукции с первого предъявления, окончание школы молодого рационализатора. Вторая ступень требует от молодых рабочих подачи не менее 4 рационализаторских предложений, участия в конкурсах профмастерства, выставках НТТМ. Третья ступень предполагает обязательную учебу в техникуме или вузе, внесение рационализаторских предложений с более высоким экономическим эффектом. Переход от одной ступени к другой должен отмечаться вручением нагрудного знака соответствующей степени, другими моральными и материальными стимулами. Достигая очередной ступени, молодой новатор получает право на дополнительные льготы (внеочередное присвоение производственного разряда, поездки в порядке обмена опытом на родственные предприятия, продвижение в очередности на улучшение жилищных условий, обеспечение путевками на курорты, направление на учебу в техникумы, высшие учебные заведения).

Ныне перед молодежью республики стоят сложные задачи всемерного содействия ускорению научно-технического прогресса, рационализации производства, повышению эффективности использования производственного потенциала республики. Растущая активность в решении этих актуальных задач — реальный, практический вклад рабочей молодежи во всенародное дело перестройки и ускорения социально-экономического развития страны в свете решений XXVII съезда КПСС.

Т. В. Перевезенцева

¹² Ташсельмашевец. 1986. 31 окт.

¹³ Правда. 1987. 1 апр.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ СОВЕТОВ УзССР ЗА УЛУЧШЕНИЕ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ ТРУЖЕНИКОВ СЕЛА (1959—1965)

Характеризуя важнейшие этапы развития советского общества в юбилейном докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил, в частности, период после XX съезда КПСС. «В середине 50-х годов, особенно после XX съезда КПСС, — сказал М. С. Горбачев, — над страной пронесся вестер перемен... Больше внимания стало уделяться развитию сельского хозяйства, жилищному строительству, легкой промышленности, сфере потребления, всему тому, что связано с удовлетворением потребностей человека»¹.

Как подчеркнуто в докладе, важное значение в осуществлении позитивных изменений в жизни страны имели октябрьский (1964), мартовский и сентябрьский (1965) Пленумы ЦК КПСС.

В ходе реализации решений XX съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС оживилась и деятельность Советов, в том числе по улучшению условий жизни и быта тружеников города и села. Это можно наглядно показать на примере работы Советов Узбекистана по совершенствованию сферы обслуживания тружеников села в 1959—1965 гг.

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 27, 28.

К тому времени в жизни и быту сельского населения республики накопилось немало сложных проблем. Большим препятствием на пути улучшения культурного и бытового обслуживания тружеников села стала исторически сложившаяся в Узбекистане хуторская система расселения. В 1960 г., например, здесь насчитывалось около 47 тыс. населенных пунктов, в каждом из которых проживало от 10 до 30 человек. Это мешало развитию крупного общественного производства, улучшению культурно-бытового обслуживания сельского населения, усилению политико-воспитательной работы среди тружеников села.

Жизнь настоятельно требовала ликвидации хуторской системы и создания благоустроенных поселков городского типа.

В 1964 г. XII пленум ЦК КП Узбекистана выдвинул программу ликвидации хуторской системы, переустройства всех сельских населенных пунктов и создания поселков городского типа. В связи с этим во многих областях республики стали создаваться межколхозные строительные организации (МСО), которые развернули строительство средних школ, типовых детских учреждений, домов колхозников, производственных объектов, больниц.

Планомерная, целенаправленная работа партийных, советских, хозяйственных органов дала определенные результаты. За 1961—1965 гг. в республике было построено для колхозников и сельской интеллигенции домов общей площадью 5920 тыс. м² против 971 тыс. м² в 1956—1960 гг.² Но строительство жилых домов для колхозников не везде велось на должном уровне. Так, постоянная комиссия по капитальному и дорожному строительству Андижанского областного сельского Совета отмечала, что план ввода в действие основных фондов в 1961 г. выполнен лишь на 30%, а капитального строительства — на 83%, строительства жилых домов — на 87%³.

Одновременно с развитием жилищного строительства Советы республики проводили определенную работу по расширению сферы коммунальных услуг, предоставляемых сельскому населению. Так, в Самаркандской области в 1959 г. были построены водопроводы в 6 районных центрах и 92 сельских населенных пунктах. В 1959 г. на селе было обеспечено водопроводом 1,4% жилой площади, а к 1965 г. — уже 6397 квартир общей жилой площадью 249,2 тыс. м², или 45%⁴.

В 1961—1965 гг. широко развернулась работа по газификации колхозов, совхозов, крупных населенных пунктов республики. В той же Самаркандской области, например, в 1963 г. на селе было газифицировано 1774 квартиры, а к концу 1965 г. — 4426; в 1966 г. их количество возросло до 17 тыс., или в 10 раз больше, чем в 1963 г.⁵ В Андижанской области за 1961—1964 гг. протяженность газовых сетей выросла с 30 до 120 км, а число газифицированных квартир увеличилось с 5,2 тыс. до 23 тыс.⁶

Особо важной социальной задачей партия считает развитие сферы услуг. Ведь высокоразвитая сфера услуг способствует ускорению роста производительности труда, более рациональному использованию свободного времени, организации хорошего отдыха, повышению культуры быта.

Объем услуг, оказываемых населению республики, рос из года в год. Так, объем услуг промышленного характера, оказанных населению УзССР в 1961 г., составлял 13 637 тыс. руб., в 1964 г. — 28 899 тыс. руб., а в 1965 г. — 34 117 тыс. руб., в том числе в сельской местности соответственно — 1706 тыс., 6863 тыс. и 9805 тыс. руб. Объем услуг непромышленного характера, оказанных населению республики (в фактических отпускных ценах), составил в 1961 г. 10 488 тыс. руб., в 1964 г. — 15 135 тыс. руб., а в 1965 г. — 19 856 тыс. руб., в том числе в сельской местности — соответственно 1472 тыс., 3139 тыс. и 4829 тыс. руб.⁷

Рост, безусловно, существенный. Но все же бытовое обслуживание в селах республики находилось в крайне неудовлетворительном состоянии, резко отставая от уровня услуг, оказываемых городскому населению. Например, в Самаркандской области в 1961 г. на селе работало всего 50 мастерских, всех услуг в среднем на душу населения приходилось менее 11 коп., или в 18 раз меньше, чем в городе⁸. В Ташкентской области услуги на душу населения составили 65 коп.⁹ А к 1965 г. на долю села приходилось немногим более 27% всей стоимости услуг промышленного и непромышленного характера, хотя на селе тогда проживало 64% населения УзССР¹⁰.

Имеющиеся в этом деле серьезные недостатки во многом объяснялись тем, что местные Советы не уделяли должного внимания развитию бытового обслуживания на селе, растущим запросам сельских тружеников, не наладили необходимый конт-

² Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет: Стат. сб. Ташкент, 1984. С. 230.

³ Андижанский облгосархив, ф. 515, оп. 1, д. 547, л. 171.

⁴ Самаркандский облгосархив, ф. 74, оп. 1, д. 3169, л. 24.

⁵ Там же.

⁶ Андижанский облгосархив, ф. 515, оп. 1, д. 547, л. 171.

⁷ Узбекистан за 7 лет (1959—1965 гг.): Стат. сб. Ташкент, 1966. С. 122.

⁸ Самаркандский облгосархив, ф. 652, оп. 1, д. 3169, л. 97.

⁹ Ташкентский облгосархив, ф. 652, оп. 1, д. 5638, л. 85.

¹⁰ Подсчитано по данным: Узбекистан за 7 лет... С. 122; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1980 г.: Стат. ежегод. Ташкент, 1981. С. 5.

роль за реализацией выделенных средств на развитие соцкультбыта, не проявляли подлинной требовательности к кадрам, ответственным за положение дел в этой сфере.

Необходим был крутой поворот в улучшении сферы обслуживания на селе. Определенных успехов в этом направлении добились Советы Ташкентской области. В течение 1961—1965 гг. Ташкентский областной Совет на своих сессиях постоянно рассматривал вопросы улучшения культуры быта трудящихся, особенно сельских. Так, на I сессии Ташкентского областного Совета IX созыва (июнь 1962 г.) был рассмотрен вопрос «О состоянии и мерах улучшения культурно-бытового обслуживания населения»¹¹, в июне и сентябре 1963 г. очередные сессии этого Совета рассмотрели вопрос «О мерах улучшения культурно-бытовых условий доярок колхозов и совхозов Ташкентской области»¹². При этом были выявлены серьезные недостатки в сфере услуг. Обком партии и облисполком принимали совместные меры по искоренению этих недостатков. Была намечена широкая программа по строительству в колхозах и совхозах области бань, обеспечению сел водопроводом, расширению сети бытовых предприятий, налаживанию торговли, строительства школ, дошкольных учреждений, клубов и т. д.

В результате принятых мер уже к началу 1966 г. были достигнуты определенные успехи. Так, объем бытовых услуг в целом по Ташкентской области составил 19 718 тыс. руб., в том числе в сельской местности — 5263 тыс. руб. Объем услуг в расчете на душу населения области составил 7,79 руб., в том числе в сельской местности — 3,96 руб.¹³ Постепенно выравнивался уровень объема бытового обслуживания в городе и сельских районах.

В дальнейшем улучшении бытового обслуживания тружеников села большое значение имела осуществленная в 1964 г. передача всех предприятий бытового обслуживания, расположенных в сельской местности УзССР, вновь созданным областным управлениям бытового обслуживания. В 1960 г., например, в Самаркандской области было всего 480 предприятий бытового обслуживания, в том числе на селе — 107, а в 1966 г. — соответственно 1370 и 772 предприятия¹⁴. В целом по республике объем реализации бытовых услуг на селе составил 11,1 млн. руб. — в 2,5 раза больше, чем в 1959 г.¹⁵

В ряде областей республики проводились смотры-конкурсы работы сельских предприятий быта, стало традиционным проведение «Дней быта». Принимались все новые меры по развитию сети и улучшению деятельности предприятий общественного питания, развитию торговли, особенно в сельской местности. Партийная организация, правительство республики настойчиво добивались того, чтобы местные Советы наладили изучение спроса населения, уделяли больше внимания состоянию торговли и общественного питания, подготовке кадров для этих и других отраслей сферы обслуживания.

Об актуальности этих проблем свидетельствуют, например, следующие данные. В Самаркандской области в расчете на 1000 человек сельского населения в 1963 г. приходилось лишь 0,82 предприятия общественного питания и 20 посадочных мест, а из 125 колхозов в 17 отсутствовали столовые¹⁶. В 1962 г. в среднем на одного сельского жителя выпекалось всего 71 г хлеба в день, а остальная часть хлеба выпекалась в домашних условиях¹⁷. Устранение этих и других недостатков потребовали больших усилий от партийных, советских, хозяйственных организаций.

Огромное значение имело дальнейшее улучшение медицинского обслуживания и охраны здоровья населения, особенно на селе. Руководствуясь решениями партии и правительства, местные Советы Узбекистана разработали ряд действенных мер, направленных на улучшение народного здравоохранения, в том числе охраны здоровья тружеников села.

За 1960—1965 гг. в республике было введено в строй больниц на 11 079 коек, из них колхозами — 6339¹⁸. Большая работа была проведена местными Советами по подбору и расстановке кадров здравоохранения, строительству крупных межколхозных больниц, расширению центральных и зональных больниц, что позволило рациональнее использовать имеющийся коечный фонд и приблизить специализированную помощь к населению. Укрепление родовспомогательных учреждений, улучшение работы по оказанию экстренной помощи, а также плановой консультативной помощи с использованием санавиации, организация отделений скорой помощи при районных больницах позволили значительно увеличить число родов в стационарных условиях,

¹¹ Ташкентский облгосархив, ф. 652, оп. 1, д. 6232, л. 25—27.

¹² Там же, л. 19.

¹³ Там же, ф. 931, оп. 1, д. 62, л. 95—97.

¹⁴ Народное хозяйство Самаркандской области за 50 лет: Стат. сб. Самарканд, 1967. С. 331.

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет: Стат. сб. Ташкент, 1984. С. 281.

¹⁶ Самаркандский облгосархив, ф. 74, оп. 1, д. 3175, л. 2.

¹⁷ Там же, л. 12.

¹⁸ Узбекистан за 7 лет... С. 136.

с оказанием необходимой медицинской помощи, что дало возможность сократить материнскую и детскую смертность.

Но несмотря на эти и другие достижения в развитии сферы бытового и медицинского обслуживания, торговли и общественного питания, в республике в рассматриваемые годы имелось немало недостатков. Сессии многих сельских и поселковых Советов созывались с нарушениями установленных сроков, что уже само по себе не обеспечивало оперативного решения назревших вопросов. В деятельности местных Советов и их исполкомов допускалось немало формализма и волокиты. Для организации проверок работы предприятий службы быта, торговли, общественного питания, детских учреждений слабо привлекался сельский актив. Плохо исполнялись указы избирателей и т. д.

Нараставшие в 60—70-е годы застойные явления и иные негативные процессы, как подчеркнул М. С. Горбачев, «серьезно затронули социальную сферу... Появилась своеобразная «глухота» к социальным вопросам...»¹⁹

Эти и иные серьезные недостатки, просчеты и перекосы в социальной сфере, наряду с другими негативными явлениями, накопившимися в застойный период, глубоко раскрыты в документах апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС, а применительно к Узбекистану — в материалах XXI съезда Компартии Узбекистана, XVI и последующих пленумов ЦК КПУз. Взятый ныне партией решительный курс на перестройку и ускорение, обновление всех сфер жизни страны имеет своей целью искоренение и тех недостатков, которые накопились в социальной сфере, в частности в сфере обслуживания тружеников села.

В реализацию намеченного партией широкого комплекса мероприятий, воплощенных в емком слове «перестройка», должны внести достойный вклад местные Советы, используя и свои возросшие права, и накопленный в прошлом положительный опыт, в том числе в улучшении бытового обслуживания населения, особенно тружеников села.

П. Х. Акимбаева

¹⁹ Горбачев М. С. Перестройка и новые мышления для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 15.

Е. К. БЕТГЕР — ИСТОРИК-СРЕДНЕАЗИЕВЕД

В 1987 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-среднеазиоведа, библиографа Евгения Карловича Бетгера (1887—1956), широкая эрудиция которого, знание нескольких европейских и восточных языков, глубокие познания во многих дисциплинах (астрономия, история и т. д.) делали его консультации необходимым подспорьем для археологов и историков, библиографов и литературоведов, музыковедов и др. Ему в равной степени были дороги рукописи восточных авторов и дневники А. И. Бутакова, Грамоты 1653—1654 гг., касающиеся воссоединения Украины с Россией, и многие другие источники, литература самого различного профиля.

Е. К. Бетгер постоянно воспитывал в своих коллегах — библиотечных работах глубокое уважение к книге. Он щедро делился своими познаниями со всеми, кто обращался к нему за помощью, консультацией. Так, в сентябре 1951 г. на имя Е. К. Бетгера пришло письмо с глубокой благодарностью от начальника ЮТАКЭ, действительного члена АН ТуркмССР, проф. М. Е. Массона «за сообщение библиографической справки о надписи Антиоха Коммагенского, столь нужной для нашей научной работы»¹.

В том же 1951 г. к Е. К. Бетгеру обратился известный востоковед, проф. И. И. Умняков, готовивший тогда новый вузовский спецкурс — по историографии Средней Азии. «В связи с этим, — писал И. И. Умняков, — мне хотелось бы получить список (хотя бы главнейших) трудов по истории Средней Азии, написанных Н. Г. Маллициким, В. Л. Вяткинским и Н. П. Остроумовым. Много, разумеется, я знаю и даже имею в своей библиотеке, но этот для меня необходим. Обращаюсь к Вам с этой просьбой как к наиболее компетентному лицу по части библиографических вопросов...»² Таких примеров можно привести очень много.

Евгений Карлович вел широкую научную переписку с различными учеными как среднеазиатских республик, так и научно-библиографических центров Москвы, Ле-

¹ Письмо М. Е. Массона к Е. К. Бетгеру от 25 сентября 1951 г. — Государственная республиканская библиотека (ГРБ) УзССР им. А. Навои. Личный архив Е. К. Бетгера, папка № 2.

² Письмо И. И. Умнякова к Е. К. Бетгеру от 2 декабря 1951 г. — Там же, папка № 1.

нинграда, Киева: он обменивался письмами и научными планами с таким известным библиографом, как Б. С. Боднарский.

В своих письмах Е. К. Бетгер касался, в частности, собираемых им редких изданий, связанных с именем А. С. Пушкина, и многих других вопросов³. Его богатое эпистолярное наследие свидетельствует о широком диапазоне научных интересов Евгения Карловича.

Изучая его научное наследие, трудно отделить Бетгера-библиографа от Бетгера-ученого. Начав свое служение обществу как педагог (1914 г.)⁴, Е. К. Бетгер в дальнейшем, помимо чисто библиографических работ, подготовил и отчасти издал множество статей, исследований и переводов рукописей с восточных языков, отличавшихся исключительной добросовестностью и оригинальными суждениями.

Научные интересы Е. К. Бетгера были связаны и с работами Туркестанского отдела Географического общества (ТОРГО). «Высокообразованный человек широкого диапазона, глубоко интересовавшийся как любитель астрологии, тонкий ценитель музыки⁵, исключительный знаток литературы и особенно всего, что касалось среднеазиатоведения,— писал М. Е. Массон,— он уже в 1915 году вступил в ТОРГО и до своей кончины оставался членом этого неоднократно менявшего свое название: общество САГО, общество по изучению производительных сил республик Средней Азии, УзГО, наконец, Узбекстанский филиал Всесоюзного географического общества»⁶.

М. Е. Массон отметил одну замечательную черту характера Е. К. Бетгера — его бескорыстное служение науке. Выполняя множество обязанностей, он никогда не помышлял о каком-либо вознаграждении за свой труд⁷.

Обладая поэтическим даром, Евгений Карлович делал великолепные переводы стихов с персидского и арабского языков⁸. В частности, в личном архиве Е. К. Бетгера сохранился отрывок его переводов из Низами и Саади⁹. Им выполнено около 300 опубликованных и неопубликованных описаний восточных рукописей, хранящихся в ИВ АН УзССР¹⁰.

Можно уверенно сказать, что вторым, после библиотеки, объектом глубокого увлечения ученого был исторический факультет САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина), в работе которого с 1940 г., с момента учреждения в составе этого факультета кафедры археологии Средней Азии, Е. К. Бетгер принимал самое активное участие. На заседаниях в археологическом кабинете Евгений Карлович выступал не только в качестве рецензента по тому или иному вопросу, но и нередко с собственными докладами. «Научная работа членов кафедры и специализировавшихся при ней студентов протекала все годы в той или иной мере с привлечением его в качестве эрудированного консультанта в вопросах могущей быть использованной литературы и даже в самом розыске ее по Ташкентским библиотекам, также иногородним книгохранилищам, причем некоторые особо нужные издания специально выписывались или приобретались при его содействии Государственной публичной библиотекой УзССР»¹¹.

Особым вниманием Е. К. Бетгера пользовались члены студенческого научно-исследовательского археологического кружка (СНАК).

Когда кафедра археологии Средней Азии возглавила крупную Южно-Туркестанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ), в тематике исследований которой важное место заняла проблема Парфянского государства, Евгений Карлович тотчас же включился в ее работу. Его редакцию прошел составленный Н. А. Винберг «Указатель литературы по истории археологии Парфии» (на европей-

³ Письмо Б. С. Боднарского к Е. К. Бетгеру от 22 ноября 1950 г.— Там же, папка № 2, письмо № 71; письма Б. С. Боднарского к Е. К. Бетгеру от 6 и 23 марта 1956 г.— Там же, папка № 2; письма Б. А. Вилинбахова к Е. К. Бетгеру от 14 января и 12 февраля 1956 г.— Там же, папка № 1.

⁴ Е. К. Бетгер преподавал русский язык с 1914 по 1918 г. в Ташкентской мужской гимназии. См.: Массон М. Е. Памяти Евгения Карловича Бетгера//Труды САГУ им. В. И. Ленина: Новая серия. Вып. 111; Исторические науки. Кн. 25; Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957. С. 3.

⁵ Бетгер Е. К. Чимороза в Ташкенте (к итогам оперного сезона 1949—1950 гг.).— ГРБ им. А. Навои. Личный архив Е. К. Бетгера, папка № 12, рукопись; Письмо Е. А. Новиковой к Е. К. Бетгеру от 19 декабря 1937 г.— Там же, папка № 2, письмо № 93; Бетгер Е. К. Первые концерты узбекской музыки в Западной Европе//Ташкентская правда. 1954. 27 окт.; Его же. Первый сборник узбекских мелодий//Правда Востока. 1935. 18 сент.; см. также: Массон М. Е. Памяти Евгения Карловича Бетгера. С. 3.

⁶ См.: Труды САГУ им. В. И. Ленина: Археология Средней Азии. IV/Отв. ред. проф. М. Е. Массон. Ташкент, 1957. С. 3—4.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ См.: Собрание восточных рукописей (СВР) АН УзССР. Т. IV. Ташкент, 1967. № 3075. С. 211; № 3099. С. 226.

⁹ См.: ГРБ им. А. Навои. Личный архив Е. К. Бетгера, папка № 2.

¹⁰ См.: СВР. Тт. I—IX.

¹¹ Массон М. Е. Памяти Евгения Карловича Бетгера. С. 4—5.

ских языках); при его непосредственном участии в 1949 г. была опубликована приведенная в указателе литература на русском языке, а в 1955 г.— дополнение к ней¹². Ему же принадлежат переводы фрагментов из книги XVIII в. (на латинском языке) Христофора Целлария «География древнего мира» и из сочинения XVIII в. (на немецком языке) Конрада Маннерта «География древних греков и римлян», о которой он сделал сообщение на 97-м заседании кафедры 9 июня 1950 г.¹³

Последним по времени «подарком», писал М. Е. Массон, который сделал Е. К. Бетгеру кафедре археологии и участникам ЮТАКЭ, явилась составленная им с присущей ему тщательностью роспись «Протоколов заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» с приложением пяти вспомогательных указателей авторов, имен географических, имен личных, имен обозначений и предметов¹⁴.

Учитывая долголетнюю общественно полезную деятельность Е. К. Бетгера на научном поприще, в частности среднеазиоведения, кафедра археологии Средней Азии и СНАК единогласно избрали его в 1953 г. своим почетным членом, а в 1957 г. из уважения к немалым заслугам ученого-библиографа посвятили его памяти сборник работ кафедры¹⁵. В сборник включен ряд статей сотрудников кафедры, а открывается он трудом самого Е. К. Бетгера «Мавераннахр в X веке. Извлечение из книги «Пути и страны Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля»¹⁶. Сделанный Е. К. Бетгером перевод с арабского языка, снабженный подробным комментарием, был просмотрен в свое время проф. А. Э. Шмидтом и получил с филологической точки зрения весьма высокую оценку¹⁷. Как видим, не случайно старейший историк Средней Азии А. В. Панков назвал Е. К. Бетгера крупным ученым-туркестановедом, выдающимся библиографом Средней Азии¹⁸.

Со времени кончины Е. К. Бетгера минуло свыше 30 лет. Однако богатейшие материалы его личного фонда, хранящиеся в рассредоточенном виде в ГРБ им. А. Навои и ЦГА УзССР, до сих пор не подвергнуты научной обработке, не говоря уже о публикации. Между тем введение их в научный оборот могло бы принести большую познавательную и научную пользу для историков, востоковедов и др.

А. Х. Бабаджанова

¹² Там же. С. 5.

¹³ См.: Археология Средней Азии//Труды САГУ: Новая серия. Вып. LXXXI: Исторические науки. Кн. 12. Ташкент, 1956. С. 156—158.

¹⁴ М а с с о н М. Е. Памяти Евгения Карловича Бетгера. С. 5.

¹⁵ Труды САГУ им. В. И. Ленина: Археология Средней Азии. IV.

¹⁶ Там же. С. 13—27.

¹⁷ Там же. С. 5—6.

¹⁸ П а н к о в А. В. Евгений Карлович Бетгер (некролог)//Известия АН УзССР. 1956. № 9. С. 91—93.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ОБ ОСВЕЩЕНИИ СОЮЗА РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА УЗБЕКИСТАНА В ЛИТЕРАТУРЕ 20—30-х ГОДОВ

Союз рабочего класса и крестьянства В. И. Ленин называл «чудесной силой», которая в состоянии решить все задачи, стоящие перед пролетарской революцией, и построить новый общественный строй.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии сказано: «Постоянная забота об укреплении союза рабочего класса, крестьянства, интеллигенции — краеугольный камень политики Коммунистической партии Советского Союза. Именно здесь заложены наши возможности концентрации сил для ускоренного решения экономических и социальных задач, которые мы сейчас выдвигаем»¹.

В советской исторической науке союз рабочего класса и крестьянства как одна из актуальнейших научно-исследовательских проблем изучается с 20-х годов и до сих пор привлекает пристальное внимание исследователей.

У истоков истории советского общества, историографии союза рабочего класса с крестьянством стоял великий Ленин. Именно В. И. Ленин, продолжив и развив дальше идейно-теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о социальной структуре общества при капитализме и социализме, создал стройное учение о двух классах — строителях нового, социалистического общества, о необходимости прочного союза между ними.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 50—51.

С именем В. И. Ленина связаны обоснование возможности некапиталистического пути развития для ранее отсталых колониальных народов Средней Азии, становление и научная разработка проблемы союза рабочего класса и крестьянства в специфических условиях Советского Востока.

В научно-исследовательском плане изучение рассматриваемой проблемы в середине 20-х годов было подготовлено в предшествующие, первые послереволюционные годы — начальным процессом накопления документального, фактического, архивного материалов, а также организацией первых центров исторической науки, публикацией статей в центральной и местной периодической печати.

В рассматриваемые годы пропагандой ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства занимались центральные журналы, а также журналы, издававшиеся в Советском Туркестане: «Большевик», «Пролетарская революция», «Партийное строительство», «Советское строительство», «Пропагандист», «Партработник», «Коммунистическое просвещение», «Революция и национальности», «Историк-марксист», «Коммунистическая революция», «Красная летопись Туркестана» (первый историко-революционный журнал в Средней Азии).

Должное внимание теоретической разработке проблемы союза рабочих и крестьян уделила I Всероссийская конференция историков-марксистов (1928 г.), выдвинувшая ее в качестве первоочередных тем для научного изучения.

Первостепенное значение для разработки проблемы союза рабочего класса и крестьянства имела публикация ряда произведений В. И. Ленина на языках народов Средней Азии².

Положительную роль в пропаганде и развитии ленинской концепции союза рабочего класса и крестьянства в Средней Азии в этот период сыграли работы, выступления и речи таких видных партийно-советских деятелей, как Ф. Ходжаев и А. Икрамов³.

Становление и утверждение ленинской концепции в исторической науке республики проходили в условиях острой идеологической борьбы, в горниле которой выработывалась ленинская концепция рабоче-крестьянского союза.

Примером может служить деятельность Экономического института при САГУ (1921—1926), в стенах которого часто проводились диспуты по экономическим вопросам переходного периода. Так, в журнале «Народное хозяйство Средней Азии» получила отражение полемика между историками Е. Преображенским и Ю. А. Спасским⁴. Е. Преображенский утверждал, якобы социалистическое общество — общество антагонистической борьбы с законом стоимости, а крестьянство — колония социалистического накопления. Ю. А. Спасский аргументированно доказал, что необходимо создать теорию экономики переходного периода «на путях Ленина, в процессе социалистического строительства Советского Союза (теория индустриализации на основе рабоче-крестьянского союза)»⁵.

Перу историка-марксиста Вл. Лаврентьева принадлежит ряд работ, в основном освещающих проблему индустриализации Средней Азии⁶. Попутно затрагиваются и вопросы взаимоотношений двух дружественных классов, специфика их союза в связи с задачами индустриализации и первым пятилетним планом. Вл. Лаврентьев отмечал: «То обстоятельство, что сельскохозяйственный пролетарий в Средней Азии оставался в пределах крестьянского хозяйства, опутанный сложной сетью феодальных отношений эксплуатации, средневековых предрассудков и суеверий, создавало и создает по отношению к беднейшей части крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата целый ряд трудностей в деле переустройства деревенского политического и экономического уклада»⁷.

Первым и основным союзником и помощником в осуществлении этих задач должен стать рабочий класс страны и республики, ибо «пятилетний план Среднеазиатского района СССР является неразрывной частью союзного пятилетнего плана, поскольку Средняя Азия неразрывно связана с экономикой Союза в целом»⁸.

Это положение Вл. Лаврентьева разделял Ф. Ходжаев, который подчеркивал, что до Октябрьской революции Средняя Азия не имела крупной фабрично-заводской промышленности и соответственно почти не имела кадров сложившегося промышленного пролетариата из среды коренных национальностей, а потому не располагала по-

² См.: Аюпов А. Т. Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организации перевода и издания произведений классиков марксизма-ленинизма на узбекском языке: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1972.

³ Икрамов А. Избранные труды. Тт. I—III. Ташкент, 1972—1974; Ходжаев Ф. Избранные труды. Тт. I—III. Ташкент, 1970—1973.

⁴ См.: Народное хозяйство Средней Азии. 1926. № 11—12. С. 127—128.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Лаврентьев Вл. На путях к социализму // Коммунистическая мысль. 1927. Кн. 5; Его же. Пути индустриализации в Средней Азии. Ташкент, 1929; Его же. Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930; и др.

⁷ Лаврентьев Вл. На путях к социализму. С. 6.

⁸ Там же. С. 7.

литическим опытом и хозяйственными навыками рабочего класса центра страны⁹. Отсюда и проистекает лидирующая роль рабочего класса СССР по отношению к двум дружественным классам Средней Азии.

В тесной связи с этим находится вопрос об интернациональной помощи русского пролетариата делу промышленного преобразования советских среднеазиатских республик. «От помощи союзного пролетариата зависит индустриализация Средней Азии. Без помощи Советского Союза, без получения от него необходимого оборудования, опыта, квалифицированных руководителей промышленности республики Средней Азии не могут индустриализовать себя... создавать новые кадры рабочих коренных национальностей»¹⁰.

В литературе рассматривались и перспективы индустриализации Средней Азии, а в связи с этим затрагивался вопрос о формировании местного национального пролетариата. Так, Ив. Сиснев в журнале «Коммунистическая мысль» писал: «...Индустриализация означала бы создание туземного социалистического пролетариата — единственно крепкой опоры социализма, так как у нас еще и доньше большинство малочисленного пролетариата представляют европейцы. Коренизация же пролетариата обеспечивает нам отпор всем буржуазно-националистическим тенденциям...»¹¹ С этими мыслями Ив. Сиснева перекликается следующее положение Вл. Лаврентьева: «Создание новых пролетарских кадров, преимущественно за счет бедноты или городского кустаря, тысячами нитей связанных с кишлаком, укрепляет пролетарскую диктатуру, союз с крестьянством, осуществляемый уже при самом непосредственном участии вновь созданных национальных пролетарских кадров»¹².

Вл. Лаврентьев подчеркивал, что «промышленное строительство... на деле означает помощь промышленного пролетариата Европейской части Союза национальному пролетариату развивать производительные силы, создавать кадры национального пролетариата и тем самым усилить социалистические элементы в системе народного хозяйства среднеазиатских республик»¹³.

В публикациях 20—30-х годов находят отражение и вопросы взаимозависимости города и деревни, рабочего класса и крестьянства, отмечается, что «промышленность у нас (в Средней Азии, — В. Л.) тесно связана с нашим сельским хозяйством и зависит от его развития... Для того, чтобы построить крупную промышленность в Узбекской республике, следует в первую очередь обратить внимание на то, чтобы развить сельское хозяйство...»¹⁴

Обсуждая вопрос об источниках пополнения рабочего класса в те годы, историки справедливо видели основной резерв в местном крестьянстве¹⁵.

Литература тех лет дает ответ и на вопрос о руководящей роли пролетариата в союзе с трудящимся крестьянством, о формах этого союза. Позволим себе привести цитату из работы Вл. Лаврентьева: «Для того, чтобы строить социализм, рабочий класс должен направлять и регулировать развитие производительных сил в мелко-собственнической товарной сельскохозяйственной сфере, и способствуя увеличению материального благосостояния крестьянских масс, изменить тем самым и формы сельскохозяйственного производства, уничтожая мелкотоварное производство и заменяя его социалистическим производством «ассоциированных в кооперацию производств»¹⁶.

Авангардная роль пролетариата в союзе с крестьянством подчеркивалась следующими строками: «Первые десятки тысяч пролетариев, пришедших из кишлака и тесно с ним связанных, получив в производстве необходимую классовую закалку, несомненно сыграют крупнейшую роль в деле изживания феодализма и ростовщических отношений внутри среднеазиатского кишлака»¹⁷.

Разработке проблем союза двух дружественных классов, его особенностей в Средней Азии опосредствовало изучение социального облика среднеазиатского крестьянства. Правильное, марксистское освещение этого вопроса позволяло раскрыть специфику форм союза, трудности, стоящие на пути его формирования и укрепления.

Е. Зелькина, П. Г. Галузо дали характеристику чайрикерства — категории безземельных и малоземельных крестьян, нанимавшихся к землевладельцу за долю уро-

⁹ Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства//Избр. труды. Т. II. С. 144 (1927).

¹⁰ Подварков Т. А. Против колонизаторских оценок характера и степени индустриализации Средней Азии//Коммунистический Восток. 1932. № 3. С. 81.

¹¹ Сиснев Ив. Строительство социализма в Средней Азии (пути и достижения)//Коммунистическая мысль. 1926. Кн. 2. С. 14.

¹² Лаврентьев Вл. Пути индустриализации в Средней Азии. С. 10.

¹³ Лаврентьев Вл. На путях к социализму. С. 9.

¹⁴ Ходжаев Ф. Хозяйственное положение Узбекистана и перспективы его развития//Избр. труды. Т. II. С. 36 (1925).

¹⁵ См., напр.: Федоров А. Строительство социально-культурное в пятилетке Средней Азии//Народное хозяйство Средней Азии. 1929. № 6—7.

¹⁶ Лаврентьев Вл. На путях к социализму. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 9.

жая¹⁸. Социальную сущность чайрикерства глубоко раскрыл в своих работах А. Икрамов¹⁹.

Историки-аграрники 20—30-х годов обстоятельно изучали процесс дифференциации крестьянства в до- и послереформенном узбекском кишлаке²⁰.

Изучая вопрос о связи и шефской помощи города послереформенной деревне, А. Икрамов в качестве одной из задач города считал необходимость обеспечения крестьянских хозяйств машинами, инвентарем, тягловой силой, тракторами²¹. Историки сумели показать бескорыстную помощь центра страны, рабочего класса СССР в восстановлении и реконструкции сельского хозяйства среднеазиатских республик. Эти сюжеты содержатся в публикациях Н. Мамченко²², Л. Новикова²³, С. Ф. Архангельского²⁴.

Для изучения истории союза рабочего класса и крестьянства важное значение имеет исследование расстановки классовых сил в узбекском кишлаке в связи с коллективизацией²⁵.

Историки-марксисты Средней Азии всегда помнили теоретическое положение В. И. Ленина о том, что в переходный период единство общества достигается, с одной стороны, через укрепление союза трудящихся классов, с другой, — через классовую борьбу, решающим этапом которой стала ликвидация эксплуататорских классов²⁶.

Большой заслугой историков-марксистов следует признать тот факт, что они пытались осмыслить социальные сдвиги в узбекском кишлаке в связи с проведением коллективизации. Одним из главнейших моментов К. Я. Бауман, первый секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б), считал то, что «как никогда окрепла смычка пролетариата с крестьянскими массами. Не только бедняк, но и середняк, вступивший в колхоз, превращается в опору пролетарской диктатуры, опору социализма в деревне»²⁷.

В ряде работ обособывается мысль о том, что помощь рабочего класса узбекскому кишлаку в период коллективизации будет выражаться в технической реконструкции сельского хозяйства²⁸.

В литературе Средней Азии тогда еще отсутствовали специальные труды конкретного характера по истории союза рабочего класса и крестьянства, однако целый круг аспектов этой проблемы был затронут в связи с задачами социалистического строительства на Советском Востоке: основные положения ленинского идейно-теоретического наследия по проблеме рабоче-крестьянского союза; взаимоотношения двух дружественных классов; специфика их союза в конкретно-исторической действительности переходного периода; лидирующая роль рабочего класса в его союзе с местным крестьянством; интернациональная помощь российского пролетариата делу укрепления дружбы и взаимопомощи города и деревни, рабочего класса и крестьянства; резервы пополнения местного рабочего класса, в частности за счет крестьянства; социальный облик среднеазиатского крестьянства, его дифференциация; шефская помощь города деревне; расстановка классовых сил в узбекском кишлаке в связи с проведением коллективизации; социальные сдвиги в кишлаке в результате коллективизации, в основе проведения которой был союз деревни с городом, всесторонняя помощь рабочего класса крестьянству, в частности помощь рабочего класса крестьянству Узбекистана в осуществлении технической реконструкции сельскохозяйственного производства, и др.

¹⁸ Зелькина Е. Земельная реформа в Узбекистане. Ташкент: 1925; Галузо П. Г. Туркестан — колония. М., 1926.

¹⁹ Икрамов А. Задачи компартии и коммунистического союза молодежи Узбекистана по проведению земельной реформы//Избр. труды. Т. I (1925).

²⁰ См., напр.: Карц Б. Б. К вопросу о методике изучения расслоения крестьянства//Партработник. 1926. № 4—5.

²¹ Икрамов А. Задачи компартии... С. 44.

²² Мамченко Н. К посевной хлопковой кампании 1927 г.//Народное хозяйство Средней Азии. 1926. № 11—12.

²³ Новиков Л. Достижения в хлопководстве, хлопковой и маслобойной промышленности к десятилетию Октября//Народное хозяйство Средней Азии. 1927. № 10—12.

²⁴ Архангельский С. Ф. Основные черты колхозного строительства Средней Азии//Народное хозяйство Средней Азии. 1925. № 12.

²⁵ Бауман К. Я. Все силы на большевистский сев (Речь на собрании студентов САКУ 2 марта 1932 г., мобилизованных на проведение весеннего сева)//Партработник. 1932, № 2—3; Резцов Л. Деревня на переломе//Партработник. 1930. № 2.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 271—282, 432—433 и др.

²⁷ Бауман К. Я. К плану большевистской работы в Средней Азии//Партработник. 1931. № 7—8. С. 19.

²⁸ Ходжаев Ф. К пятилетию существования Узбекской ССР//Избр. труды. Т. II. С. 358 (1929); Иванов К. Против недооценки культурмассовой работы//Партработник. 1931. № 3—4; Анишев А. Механизация хлопководства и машинно-тракторная станция//Народное хозяйство Средней Азии. 1929. № 9—10.

Таким образом, рассмотрение литературы по проблеме союза рабочего класса и крестьянства в 20—30-е годы позволяет заключить, что в ней происходит процесс неуклонного наращивания исторических знаний в связи с накоплением обширного, многопланового фактического материала, созданием и дальнейшим укреплением советской системы научных и учебных центров исторического образования, а также успешной подготовкой профессиональных кадров историков. Особенностью литературы по исследуемой проблеме было то, что она создавалась одновременно с объективным процессом становления, дальнейшего укрепления и развития союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

В. Л. Лазарев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**С. К. АБДУРАЗАКОВ. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
УСТРОЙСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР**

(Ташкент: Узбекистан, 1987. 104 с.)

В книге на основе партийных документов, анализа законодательства, специальной литературы освещаются научные основы политики КПСС по вопросам административно-территориального устройства Советского государства, роль Компартии Узбекистана в развитии территориальной организации республики, деятельность Советов народных депутатов по обеспечению комплексного развития административно-территориальных единиц.

В работе раскрывается выдающаяся роль В. И. Ленина в создании и развитии административно-территориального устройства Советского государства. Ему принадлежит историческая заслуга в разработке научных основ экономического районирования, вытекающего из общественного территориального разделения труда, специализации районов по отдельным отраслям промышленности или сельского хозяйства. При их изменении учитывались не только национальные, но и чисто экономические, политические, культурные и другие факторы. Как отмечает автор, правильный учет национального фактора ускоряет решение основных политических и экономических проблем районирования страны в целом (с. 13). В этой связи подробно анализируется содержание произведений В. И. Ленина с указанием на то, что новое административное деление России, в отличие от старых, должно быть основано на требованиях современной хозяйственной жизни и согласовано по возможности с национальным составом населения (с. 9—17). На наш взгляд, было бы целесообразно выделить в самостоятельный раздел роли В. И. Ленина и КПСС в совершенствовании административно-территориального деления Советского государства.

Вопросы административно-территориального строительства в Узбекистане освещаются как в теоретическом, так и в историческом плане, что весьма перспективно для постановки новых проблем. Это, в свою очередь, обогащает наше понимание процесса, который развивается не только в Узбекистане и других республиках Средней Азии, но и в иных регионах нашей страны.

Полемизируя со многими авторами по спорным вопросам, С. К. Абдуразаков высказывает оригинальные соображения, делает научно-практические обобщения и вносит конкретные предложения по совершенствованию законодательства об административно-территориальном делении УзССР (с. 47—49). В частности, интересно предложение о критерии образования областей (с. 51). Как правильно пишет автор, нуждается в уточнении правовое регулирование порядка образования областей. Поэтому представляется обоснованным его предложение о целесообразности включения в Положение «О порядке разрешения вопросов административно-территориального устройства Узбекской ССР» раздела «О порядке образования областей Узбекской ССР». К сожалению, этот важный вопрос не нашел еще должного отражения как в республиканских законодательных актах, так и в общесоюзных (с. 51).

Значительный интерес вызывает анализ практической деятельности местных Советов народных депутатов по обеспечению комплексного развития городов, районов, областей. Сегодня, как никогда, повышается роль органов государственной власти в хозяйственном и социально-культурном строительстве. На это еще раз указал М. С. Горбачев на февральском (1988) Пленуме ЦК КПСС. Эффективность такой деятельности зависит в основном от того, как формируются долгосрочные, пятилетние и годовые планы, насколько учитываются в них региональные и отраслевые особенности, имеющиеся ресурсы и возможности развития производительных сил, как организована работа по выполнению этих планов и достижению конечных результатов. Анализируя опыт составления планов экономического и социального развития Наманганской области, г. Алмалыка, Гиждувана, Тамдынского района и др., автор обосновывает жизненную важность и возрастающую значимость комплексных планов с привлечением к их разработке научных и проектных организаций, высших учебных заведений.

Вместе с тем надо сказать, что в книге недостаточно внимания уделено проблеме правоотношений, возникающих между местными Советами народных депутатов и не подчиненными им предприятиями, организациями и учреждениями, а также министерствами и ведомствами по комплексному развитию территории определенной административной единицы и сочетанию территориального принципа построения советских государственных органов и общественных организаций, с принципом демократического централизма.

Представляется правильным вывод автора о том, что вместе с развитием производительных сил Узбекистана, освоением новых природных ресурсов и ростом населения будут изменяться границы административных делений республики, и эти изменения будут происходить в первую очередь за счет увеличения сельского районного звена (с. 78—79). В книге приводятся убедительные примеры в защиту выдвинутых аргументов. Интересны предложения, касающиеся критерия образования районов (с. 79).

Много внимания в работе уделено проблемам дальнейшего совершенствования административно-территориального устройства УзССР, поскольку оно имеет исключительно важное значение для гармонического развития производительных сил республики, всех отраслей народного хозяйства и требует серьезного изучения специалистами различных отраслей знания. Представляется обоснованной содержащаяся в книге поддержка предложения о целесообразности образования при Президиуме Верховного Совета УзССР научно-методического Совета по вопросам административно-территориального устройства республики, куда вошли бы специалисты различных отраслей науки, а также практические работники партийных и советских органов Узбекистана (с. 92—93).

В книге показана роль ЦК Компартии Узбекистана в выявлении грубых нарушений партийных норм и морали, советских законов, серьезных недостатков в руководстве народным хозяйством республики. В результате приписок, извращения хозяйственной практики деформировались некоторые звенья управления; это прежде всего коснулось целинной зоны Кашкадарьи (с. 98, 99).

Однако не все аспекты административно-территориального устройства нашли достойное отражение в рецензируемой работе. В частности, следовало бы более четко изложить различия между понятиями «административно-территориальное деление» и «административно-территориальная система».

Вызывает ряд замечаний и обзор литературы по теме. Так, хотя вне поля зрения автора, казалось бы, не остались сколь-нибудь значительные исследования, он почему-то не называет имена Р. С. Павловского и М. Тешабаева (с. 6, 7), на работы которых сам же неоднократно ссылается (с. 102, 103).

В целом же представляется, что рецензируемая книга удачно сочетает научное обобщение и популярность подачи материала. Она рассчитана не только на работников советского аппарата, пропагандистов и агитаторов, но и всех интересующихся вопросами советского государственного строительства.

М. Файзиев, З. Исламэв

К. М. БАЙПАКОВ. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕМИРЕЧЬЯ

(Алма-Ата: Наука КазССР, 1986. 255 с.)

Пути формирования городской культуры, этапы урбанизации регионов Центральной Азии эпохи средневековья — одна из узловых проблем исторической науки. Особый аспект представляет процесс формирования городов на территории Средней Азии и Казахстана в связи с проблемами контактов оседлых и кочевых народов, взаимовлияния их экономики и культуры, динамики этнической структуры контактных зон.

Отдельным аспектам этой проблемы посвящались работы М. Е. Массона и А. Х. Маргулана, Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, Т. Н. Сениговой и П. Н. Кожемяко. Изучение исторической топографии отдельных регионов сочеталось с фундаментальными исследованиями крупных базовых центров — Отрара, Тараза. Однако со времени публикации сводных работ по истории городской культуры Южного Казахстана и Семиречья прошло уже почти четверть века. С тех пор объем информации вырос настолько, что мы зачастую имеем совершенно иное представление об уровне урбанизации и роли в этом процессе конкретных пунктов.

Накоплен обширный сравнительный материал по соседним регионам. Изменились принципы анализа материала, критерии подхода к археологическим объектам с учетом их информативности.

И вполне правомерно поставленная К. М. Байпаковым задача обобщения истории городов широкой контактной зоны на качественно новом материале, собранном руководимым им отрядом, изучавшим на протяжении двух десятилетий районы Илий-

ской, Чуйской, Таласской долин и Южного Казахстана. Многолетние широкие раскопные работы, проводившиеся на таких известных городищах, как Отрар, Куйруктобе, Красная Речка, Актобе Степнинское, Талгар, позволили собрать уникальный материал по городам; тщательные разведки выявили новые многочисленные памятники. Так, в одном Придзюнггарье их открыто около тридцати, вследствие чего кардинально изменились наши представления о масштабах развития здесь оседлой и городской культуры в средние века. Кроме материалов собственных исследований, К. М. Байпаков использует данные своих предшественников, фонды музеев. Это позволило автору на качественно новом методическом уровне сделать фундаментальное обобщение, решить ряд вопросов социально-демографического, экономического и общесоциального порядка как для локальных областей, так и для обширной контактной зоны в целом со всеми особенностями, присущими степным городам.

Вторая важная черта — широкое и органичное использование данных исторических источников. Так, для IX — начала XIII в. из 84 археологических объектов изучены с привлечением данных письменных источников до 75 пунктов, т. е. около 90%. Использование письменных источников сопровождается тщательным этимологическим анализом.

Работа отличается продуманной структурой, начиная с историко-географической характеристики с выделением трех крупных районов: собственно Южного Казахстана, Юго-Западного Семиречья (Таласская и Чуйская долины), Северо-Восточного Семиречья (Илийская долина), особенности естественно-географических условий каждого из которых наложили отпечаток на развитие городов.

Историко-географический обзор включает проблемы историографии городов Казахстана, в развитии которой автор выделяет два периода: дореволюционный и советский. В первом вычленяется два этапа — с XVI в. до 1870 г. и с 1870 г. (когда появилось первое научное сообщение П. И. Лерха об истории и археологии Казахстана) до 1917 г.

Второй период расчленен на этапы: первый — до середины 30-х годов — оживление сбора археологических материалов; второй — 1936—1946 гг. — превращение советской археологии в самостоятельную науку с формационным подходом и анализом археологического материала как исторического источника. Третий этап (до начала 60-х годов) автор связывает с созданием научных подразделений АН КазССР со специальным выделением направлений археологической науки, среди которых важное место заняла городская проблематика (работы А. Н. Бернштама, А. Х. Маргулана, Т. Н. Сениговой, Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, Л. Р. Кызласова и др.). Этот этап завершается созданием Археологической карты Казахстана. С начала 60-х годов — четвертый этап, характеризующийся широким районированным исследованием с масштабными раскопками базовых объектов — Отрара, Тараза, Лугового, Актобе Степнинского и Талгара.

Изучение исторической географии (глава II) позволило К. М. Байпакову предложить новую локализацию городов области, которая стала возможной только после полного выявления наиболее крупных объектов сельской и городской культуры и уточнения их хронологии. По-новому локализуются и отождествляются с конкретными памятниками Кедер, Бурух, Усбаникет, Карнак, Джумишлага, Баладж, домонгольский Сауран, Чилик, Аркук на юге Казахстана; Адахкес, Дех Нуджикес, Янги-Балык, Янги Талас, Джувикат — в Таласской долине; Суяб, Кирмирау, Джуль, «селение тюркского каганата», Навакет и Бунджикет — в Чуйской; Ики-Огуз, Каялык и Иланбалык — в Илийской долине, причем наряду с источниками в этих целях активно привлечены данные топонимики.

В третьей главе рассматривается городская культура раннего средневековья. Пожалуй, впервые, судя по содержанию главы, исследователю удалось выявить уровень развития городской культуры в изучаемом регионе в домусульманское время — определено число городищ, их распространение, очерчены два района развития — Южный Казахстан и Юго-Западное Семиречье. Впервые для Южного Казахстана, благодаря раскопкам Кок-Мардана, выявлена квартальная застройка, показаны причины ее формирования в городе. Прослежен характер жилища, дана его типология, показаны местные истоки развития и инновации из сопредельных регионов, в первую очередь из северных районов Средней Азии.

По-новому решается вопрос о согдийском влиянии на развитие городской культуры юга Казахстана и Семиречья. В общей городской культуре региона выделяется согдийский культурный комплекс. Показаны местные традиции в развитии городской культуры на юге Казахстана и роль согдийской колонизации на юго-западе Семиречья.

Рост городов, увеличение их числа, бурное развитие городской культуры показаны в четвертой главе, посвященной городской культуре IX — начала XIII в. В это время, как убедительно показал автор, увеличивается число городов на юге Казахстана и в Таласской долине. Они растут территориально, у них формируются рабады. Возникает новый район городской культуры — Северо-Восточное Семиречье. Происходят изменения в структуре города, в числе элементов городской застройки отмечаются мечети, общественные бани. Происходят изменения в характере жилища — появляются новые типы его.

В городах получают дальнейшее развитие ремесла, отмечается появление гончарных мастерских и кварталов керамистов. Идет развитие стеклоделния, обработки железа, ювелирного ремесла. Растет торговля как международная, так и с сельской округой и кочевой степью, причем последняя играла крупную роль в развитии городов.

Развитие городов во многом предопределялось оседанием кочевого и полукочевого населения. Оседание его отмечается появлением в городе новых типов жилья, своеобразной керамики, распространением городищ нового типа — торткулей. Особенно сильны были степные традиции в развитии городов Северо-Восточного Семиречья.

Большое влияние на развитие городской культуры в то время оказала новая религия — ислам. Распространение мусульманской культуры сблизило данные области с Ближним и Средним Востоком, способствовало распространению здесь достижений культуры, науки ряда стран.

В пятой главе автор, рассматривая городскую культуру региона на широком историческом фоне в сравнении с городами Средней Азии, устанавливает общие закономерности и особенности развития городской культуры Южного Казахстана и Семиречья.

Работа в целом построена на большом материале. Однако ряд положений автора представляется недостаточно аргументированным и вызывает возражения.

Автор признает, что связанные традиционными этнополитическими отношениями со Средней Азией Южный Казахстан и Семиречье испытали влияние новой культуры, принимали деятельное участие в основных событиях, происходивших тогда на Востоке (с. 41). С поры Тюркского каганата через эти районы прошла основная ветвь «Шелкового пути»; ремесленная продукция городов Южного Казахстана и Семиречья была известна вплоть до Багдада. Все это способствовало формированию здесь феодальных отношений в едином русле с соседними регионами.

В работе, однако, принята несколько иная периодизация, с замалачиванием I и II этапов феодализма более чем на 100 лет. Автор объясняет это тем, что изучаемые районы «позже других областей Средней Азии втянулись в процесс исламизации культуры, сохраняя традиции раннесредневековой, или, как ее называют, «домусульманской», культуры еще в IX в.», и сближение культур началось лишь с утверждения Саманидов, которые распространили свое влияние на данный регион в середине IX в.

В связи с победами арабов над Тюркским каганатом на Сырдарье (737 и 739 гг.) и Китаем на Таласе (751 г.) со 2-й половины VIII в. и экономические, и политические нити теснее связывают характеризующую область с регионами Средней Азии. Это, между прочим, проявилось еще с поры Тюркского каганата.

Иное дело, что в кочевой среде данный процесс внешне проходил более замедленно и проявился несколько позже.

Нельзя согласиться с тезисом, что Сырдарья не была завоевана арабами (с. 40). Именно здесь шли последние решительные бои. Верхняя и Средняя Сырдарья (Фергана, Ташкентский оазис и отчасти более северные районы) попадают под власть арабов, что и завершила битва 751 г. на Таласе. Поэтому можно говорить лишь о Нижней Сырдарье. На наш взгляд, чрезмерно оптимистичен подход автора к выделению раннесредневековых городов. К. М. Байпаков отмечает, что при отборе и типологии раннесредневековых городищ Южного Казахстана и Семиречья им использовалась совокупность следующих признаков: хронология, структура городища, размеры и соотношения его частей, фортификация, мощность культурного слоя, археологический комплекс, размеры стен округи (с. 66). Однако при анализе конкретных городищ совокупность этих данных не приводится. В таблицах отсутствует хронология появления структурных частей. Основным показателем служит лишь наличие культурного слоя. Но даже в этих условиях ряд пунктов уже по размерам своим не дает достаточных оснований для включения их в число городов (например, Торткуль на Кумышке, Бабаота, Чардара и некоторые другие). Отдельные пункты типа Газирда даже в период их расцвета, в X в., относились то к городку, то к селению. Тем более нет оснований считать, скажем, Газирд городом для раннего этапа его формирования.

В названии некоторых пунктов для X в. присутствует термин «дех» — деревня (например, Дех-Нуджикес) (с. 69), т. е. в раннефеодальный период они явно выполняли сельские функции (Макдиси и в X в. называет их «большими селениями»), а некоторая часть пунктов и в последующий период, по сообщениям всех средневековых географов, относилась к разряду караван-сараев, так что и их никак нельзя считать городами.

Помимо наличия раннефеодального слоя, следует учитывать, что же конкретно относится к данному периоду: в первую очередь фортификацию шахристана, плотность его обживания, производственный потенциал данного пункта.

Отсутствие этого анализа ослабляет позицию автора в выдвижении ряда пунктов в число городских поселений. Сам по себе факт, что какой-либо пункт упомянут в числе городов X в., еще не означает, что в предшествующий период он также выполнял эти функции.

Некоторые завышенной представляется нам и оценка автором плотности населения раннесредневековых городов Казахстана. Так, он считает, что в Кокмардане она

составляла 560—650 человек на 1 га (с. 88). Даже в таких городках, как Пенджикент, с двух- и трехэтажными домами плотность определяется в 200—230 человек на 1 га. Северные же города более просторны. В них имелись и дома-усадыбы с дворами для скота, обычные даже у осевших в городе скотоводов. Так что они вряд ли могли иметь плотность заселения в 2—2,5 раза выше, чем в согдийских городах, как это утверждает автор. Он пытается объяснить такую плотность переселением жителей летом в пригород и большой скуденностью их во время нашествий. Но второй фактор — временный и известен для всех городов того периода, а не только северных. Первый же типичен для всех регионов Средней Азии, причем особенно для ее оазисов, отличающихся более длительным безморозным периодом, чем в Казахстане. Может быть, плотная застройка временных зимних жилищ сочеталась с юртами в других частях города, как это известно по письменным данным X в. для Чинанчекета и по этнографическим данным для Хивы? Но и в этом случае указанная автором плотность будет относиться лишь к части города. В равной мере это касается и городов IX—XII вв., где плотность заселения, по автору, достигала около 400 человек, а рабада — 50 человек на 1 га. Автор распространяет эти данные на все городские пункты Южного Казахстана (с. 159). В результате городское население последнего исчисляется им в размере до 160 тыс. человек.

Не совсем ясен вывод автора о том, что в первой половине XI в. государство Караханидов фактически сошло с исторической сцены (с. 100), тогда как мы знаем их для последующего этапа и по политическим событиям, и по монетному чекану (см.: Караев О. К. История Караханидского каганата (X — нач. XIII вв.). Фрунзе, 1983; и др.).

При характеристике археологического комплекса 2-й половины IX—X в. в числе керамических форм, появляющихся наряду с типично саманидским материалом, отмечается распространение сосудов, известных для Согда и Чача VII — первой половины VIII в. (кувшины со сливом в форме головы быка; кружки) (с. 104 и 116). Но откуда они появились в этот период, если в Согде и Чаче исчезли в VIII в.? Вероятно, правомерно говорить о появлении их в предшествующий период и продолжении бытования во 2-й половине IX—X в.?

Непонятен вывод о действительном разрушении стен Отрара монголами, если они, по автору, фактически превращаются с X в. в место свалки, а стены XI — начала XII в. вообще не обнаружены (с. 145). Быть может, данные источников относятся к стене рабада, которая действительно существовала?

В довольно подробной периодизации историографии проблемы автор объединяет в последний период исследования от начала 60-х годов до настоящего времени. На наш взгляд, более правильно было бы обозначить качественно новый этап с начала 70-х годов, чему предшествовало координационное совещание археологов Средней Азии и Казахстана¹, положившее начало согласованному изучению городской культуры ряда регионов на единой методической основе с системным подходом, сочетанием изучения всего оазиса и планографических раскопок базовых объектов.

Перечень спорных положений можно продолжить. Но главное в другом. К. М. Байпаковым подготовлено фундаментальное исследование по проблемам урбанизации зоны активных взаимодействий земледельцев и скотоводов с их неоднородными процессами социального и экономического развития. Работа построена на новой методической основе, с введением нового ценного материала, который благодаря систематизации легко доступен для широкого читателя. Свежие положения и выводы автора, безусловно, заинтересуют всех исследователей, занимающихся средневековой историей Центральной Азии.

Ю. Ф. Буряков

¹ Средневековые города Средней Азии и Казахстана: Тезисы совещания в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г. Л., 1970.

М. Д. ДЖУРАКУЛОВ. САМАРКАНДСКАЯ СТОЯНКА И ПРОБЛЕМЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Ташкент: Фан УзССР, 1987. 171 с.)

Выход в свет книги М. Д. Джуракулова, подводящей некоторые итоги изучения Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, давно ожидался специалистами, ибо материалы этого памятника прочно вошли в сферу внимания исследователей палеолита не только Средней Азии, но и сопредельных регионов¹. Изданию этой кни-

¹ Окладников А. П. Древние связи культур Сибири и Средней Азии//Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1965; Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971; Davis R. S. The Palaeolithic//The Archaeology of Afganistan/Ed. by F. R. Allchin and N. Hammond. L.: Academic Press, 1978.

ги предшествовал ряд статей Д. Н. Лева — основного руководителя работ на Самаркандской стоянке в 1958—1967 гг.² Но его публикации в «Трудах» Самаркандского госуниверситета малоизвестны широкому кругу специалистов, а потому, надо полагать, что рецензируемая работа привлечет больше внимания к материалам Самаркандской стоянки, этого во многом уникального памятника палеолита Средней Азии.

Пока не опубликован весь комплекс многослойной стоянки Кульбулак, Самаркандская стоянка — единственный памятник, который, по единодушному мнению всех исследователей, относится к верхнему палеолиту в Средней Азии. По раскопанной площади (более 800 м²) Самаркандская стоянка стоит наравне со многими всемирно известными памятниками палеолита на территории Советского Союза.

Композиция изложения материала в рецензируемой работе построена в основном на классификационной характеристике комплекса каменной индустрии. Осветив историю исследования памятника, автор обращается к стратиграфии стоянки, вызвавшей в свое время много споров. Впрочем, В. А. Ранов и С. А. Несмеянов оспаривали сохранность слоев и полноценность стратиграфических данных всех стоянок Узбекистана — Кульбулака, Кутурбулака, Обирахмата³, и в этом отношении Самаркандская стоянка — не исключение. Теперь, после окончания изучения многослойного памятника, можно лишь сожалеть, что исследование геологии четвертичных отложений Средней Азии долгое время было недостаточно совершенным для того, чтобы до нас дошли те точные описания стратиграфии, которые ныне удовлетворили бы наши возросшие требования. А ведь надежные данные о стратиграфии Самаркандской стоянки так необходимы, чтобы подтвердить один из основных тезисов М. Д. Джуракулова: верхний палеолит в Средней Азии изменялся очень медленно. Если стратиграфия, прослеженная Д. Н. Левом, а в 1968—1972 гг. изучавшаяся М. Д. Джуракуловым, надежна, то выводы его не вызывают сомнений. Но если разделение материала на три совокупности, соответственно трем слоям, не подтверждено надежной стратиграфией, мы вправе сомневаться в этом. В тексте отмечается наличие многочисленных нарушений на памятнике, в том числе таких, которые очень плохо опознаются. Здесь многого следует ждать от данных по Кульбулаку, где также есть три слоя, относимых М. Р. Касымовым к верхнему палеолиту.

Во всяком случае, М. Д. Джуракулов настаивает на справедливости выделения трех слоев на Самаркандской стоянке. Отмечает он и планиграфическую особенность памятника: присутствие своеобразной (по обилию леваллуазских заготовок, причем нефрагментированных) совокупности материала из одного участка стоянки — пункта на верхней террасе.

Почти весь последующий текст посвящен типологии каменных орудий. В книге явно чувствуется крен в сторону типологии — ведь и общая глава, где подводятся итоги, основана на типологических посылках. О назначении орудий нигде даже не упоминается, речь идет только о форме орудий, заготовок, нуклеусов. Это явно обедняет исследование памятника. Правда, о назначении орудий Самаркандской стоянки уже писала Г. Ф. Коробкова — ныне ведущий специалист в области изучения функций каменных орудий⁴. Но она касалась лишь части коллекции.

М. Д. Джуракулов делит орудия Самаркандской стоянки типологически на две группы: одна — те орудия, что свойственны мустьерской эпохе. Это — чопперы, особенно многочисленные в Самаркандской стоянке, скребла, остроконечники, тронкированные (усеченные ретушью) отщепы, зубчатые и выемчатые орудия. Другая группа — изделия категорий, присущих верхнему палеолиту: скребки, резцы, долотовидные орудия с подтековой концов. В книге это излагается как очевидная вещь. Однако деление такого рода — далеко не простое дело. Даже если исходить из наблюдений для Западной Европы, и то трудно решить, присущи ли зубчатые орудия только мустье, поскольку они имеются и в верхнем палеолите. Даже скребки и резцы встречаются в мустьерских памятниках. Конечно, они там немногочисленны, но и в Самаркандской стоянке резцов — считанные единицы. Напротив, М. Д. Джуракулов придает большое значение мустьерским остроконечникам — в связи со своим представлением об обилии архаических (мустьерских) элементов в Самаркандской стоянке. Но ведь остроконечников там найдено всего несколько экземпляров!

Анализируется и техника раскалывания камня на Самаркандской стоянке, т. е. нуклеусы, отщепы, пластины. Теперь исследователи палеолита (и не только Средней

² Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде: Исследования 1958—1960 гг.//Труды СамГУ. Вып. 135. Самарканд, 1964; Его же. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности//Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 166. Самарканд, 1976; и др.

³ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане: Предварительные итоги исследований//МИА. № 185. Л., 1972; Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат. Ташкент, 1972; Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

⁴ Коробкова Г. Ф. Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки (по материалам 1959—1960 гг.)//МИА. № 185. 1972.

Азии) относят к числу леваллуазских форм лишь овальные ядрища. Прямоугольные ядрища и Р. Х. Сулейманов, и В. Н. Гладилин относят к подпризматическим. Видимо, М. Д. Джуракулову надо было последовать их примеру. В таком случае не было бы присущего всему исследованию преувеличения арханческих форм в Самаркандской стоянке.

Изложенные в книге разработки дают новый важный материал для решения проблематики палеолита Средней Азии. Прежде всего автор попытался определить хронологическую позицию Самаркандской стоянки в шкале палеолита Евразии. Бесспорным может считаться доголоценовый возраст стоянки — до 33 тыс. лет (с. 116).

Технико-морфологический и типологический анализ каменной индустрии позволяет считать принадлежность Самаркандской стоянки к кругу сибирско-китайских памятников. Этот тезис принадлежал Д. Н. Леву и был поддержан А. П. Окладниковым и В. А. Рановым, выдержал испытание временем и ныне подтвержден новыми материалами из Монголии, Сибири и Дальнего Востока (с. 117).

Главная цель автора — дать по возможности полную публикацию орудий, — как нам представляется, достигнута. Но в работе слабо отражен историко-культурный контекст изучаемого материала.

Несомненный интерес имело бы освещение вопросов проблемы антропогенеза Средней Азии в связи с находками костных останков человека Самаркандской стоянки. М. Д. Джуракулов упоминает о них только в историографической главе работы. Между тем, если находки бедренной кости человека и эндокрана ребенка (раскопки 1970 г.) могут вызвать сомнения относительно принадлежности последних к эпохе палеолита (из-за перемещения слоя), то принадлежность фрагмента нижней челюсти и коренного зуба, обнаруженных в темном лёссовидном суглинке на глубине 320 см от дневной поверхности (верхний культурный слой, раскопки 1960 г.) и второй нижней челюсти (раскопки 1966 г.) кроманьонскому типу человека признана ведущими антропологами страны. В. В. Гинзбург и И. И. Гохман по ряду морфологических особенностей с уверенностью относят самаркандских палеолитических людей к виду *Homo sapiens*, т. е. человеку современного вида. Сделано заключение, что верхнепалеолитические обитатели Самаркандской стоянки принадлежали к европеоидной расе, ее южному стволу⁵.

Если затронуть все случаи умолчания о находках на памятнике, то следует отметить и неупоминание находки плоских овальных галечек с отверстием, костяных просверленных комплексных подвесок, морской раковины с пробитым отверстием, которые Д. Н. Левом рассматривались как остатки ожерелья, изготовленного обитателями стоянки. Это весьма существенно, хотя в виду находки могут показаться и незначительными в сравнении со статуэтками на сибирских стоянках и тем более с искусством палеолитического человека на территории нынешней Франции. Известно, что украшения — очень важный показатель начала новой эпохи — верхнего палеолита. Это — личные украшения, они свидетельствуют об интересе к индивидууму. Произведения искусства в ранних стоянках верхнего палеолита Франции или Русской равнины редки, так что украшения — более подходящий показатель для установления начала новой эпохи палеолита, нежели гравировка или скульптура.

Актуальность затронутых в работе М. Д. Джуракулова проблем и вообще публикации материалов Самаркандской стоянки очевидны. Издание этой книги, несомненно, будет способствовать дальнейшей разработке истории первобытного общества на территории нашей страны.

У. И. Исламов, Н. А. Аванесова

⁵ Гинзбург В. В., Гохман И. И. Костные останки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974.

НОВЫЕ КНИГИ

Э. СИДЫКОВ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

(Душанбе: Ирфон, 1987. 208 с.)

Работа посвящена актуальным проблемам дальнейшего совершенствования деятельности транспортной системы в комплексе производительных сил среднеазиатских республик. В ней рассматриваются объективные основы формирования и развития регионального транспортного комплекса, важнейшие факторы и резервы интенсификации его работы, улучшения планирования и управления, а также экологические

аспекты развития данной сферы народного хозяйства в свете указаний XXVII съезда КПСС и XXI съезда Компартии Узбекистана.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения с приложением списка использованной литературы.

В первой главе — «Экономические проблемы формирования и развития транспортного комплекса региона» (с. 7—37) — анализируются основные этапы становления регионального транспортного комплекса, его социально-экономическая сущность; разрабатываются методологические вопросы формирования состава РТК и основы повышения эффективности его развития.

Во второй главе — «Разработка и реализация целевой комплексной программы в транспортном комплексе» (с. 37—59) — уделяется большое внимание сущности программно-целевого подхода к РТК, методике разработки и реализации целевой программы, а также разработке схем подготовки прогнозов развития РТК как важнейшей основы его целевой комплексной программы, которая, в свою очередь, обусловила необходимость определения показателей прогнозирования развития РТК.

В третьей главе — «Транспортный комплекс региона на современном этапе» (с. 60—116) — анализируются место транспортного комплекса в системе региональной экономики, роль транспорта в реализации Продовольственной программы, современное состояние РТК и его эффективность, а также особенности территориальной организации и размещения РТК.

В четвертой главе — «Основные направления дальнейшей интенсификации транспортного комплекса» (с. 116—181) — выявляются факторы и резервы интенсификации развития ТК за счет максимального использования имеющегося производственно-технического потенциала, ускорения темпов научно-технического прогресса, совершенствования системы подготовки и переподготовки квалифицированных рабочих кадров, а также совершенствования планирования и управления РТК.

В пятой главе — «Экологические аспекты развития РТК» (с. 181—199) — проанализированы пути решения экологических проблем интенсификации развития транспортного комплекса региона.

В заключении (с. 200—204) обобщены основные результаты проведенного исследования, сформулированы выводы и предложения, направленные на формирование и успешное развитие транспортного комплекса региона.

Книга рассчитана на работников транспорта, научно-исследовательских, проектных организаций, вузов, плановых органов, министерств и ведомств, а также на всех интересующихся проблемами развития транспорта.

Ж. З. Загулов

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО

В 1985 г. научная общественность поздравляла академика АН УзССР Галину Анатольевну Пугаченкову с избранием ее членом-корреспондентом Комиссии общей и сравнительной археологии немецких археологических институтов (высшее научное учреждение ФРГ в области археологии). С тех пор прошло сравнительно немного времени, а научная деятельность Галины Анатольевны получила новое международное признание: недавно она избрана членом-корреспондентом Института Среднего и Дальнего Востока в Риме — одной из самых авторитетных научных организаций подобного профиля в мире. А еще в 1975 г. Галина Анатольевна была избрана почетным доктором «гошорис кауза» Страсбургского университета (Франция). Заметим, что во всех этих случаях признание заслуг нашего ученого делалось без предварительного представления советской стороны.

Г. А. Пугаченковой принадлежит более 500 научных публикаций, она — первооткрыватель и исследователь многих археологических памятников, участник нескольких десятков международных конгрессов.

Галина Анатольевна — создатель и бессменный руководитель единственной в нашей стране постоянно действующей Узбекистанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы, которой принадлежит множество выдающихся открытий в области художественной и материальной культуры народов Средней Азии и зарубежного Востока. Благодаря ее исследованиям все шире и глубже раскрывается роль Среднеазиатского региона в развитии культуры и цивилизации Востока. Работы Галины Анатольевны имеют большое значение для истории мировой науки и искусства, теории и практики их развития в нашей стране.

Научная общественность республики, поздравляя Галину Анатольевну с почетным избранием, желает ей крепкого здоровья и новых творческих успехов на благо отечественной науки.

Э. Д. Панасенко, Э. В. Ртвеладзе

МУНДАРИЖА

Партия қарорлари — ҳаётга!

А. Ҳ. Ҳикматов, Э. Ҳ. Маҳмудов. Янги хўжалик механизми шароитида капитал қурилиш самарадорлиги	3
Б. А. Акбаров. ЎзССР пойафзал саноати маҳсулотлари сифатини яхшилаш хусусида	9
Г. Р. Асанов. Ўзбекистон қишлоқ аҳолиси (Типология масалалари ва ривожланишнинг бир қатор проблемалари).	14
А. А. Голованов. СССРда қишлоқ хўжалиги қурилиши тажрибаларини ўрганишнинг қатор аспекти (1945—60 йиллар бошлари).	21
Т. К. Хўжаев. Урта Осиё халқлари этногенез ва этник тарихи муаммоларига доир	26
Н. Н. Ҳакимжонов. Апрель революцияси социал базасини кенгайтиришда НДПА	32

Илмий ахборот

Т. В. Перевезенцева. Ўзбекистон ишчи ёшлари илмий-техник фаолияти ҳақида	39
П. Х. Акимбаева. ЎзССР Советларининг қишлоқ аҳолисига хизмат кўрсатишни яхшилаш борасидаги курашлари тарихидан (1959—1965)	41
А. Х. Бобожонова. Е. К. Бетгер — ўртаосиёшунос-тарихчи	44

Тарихшунослик

В. Л. Лазарев. 20—30-йилларда адабиётда Ўзбекистон ишчи ва деҳқонлар синфи иттифоқининг ёритилиши ҳақида	46
--	----

Танқид ва тақриз

М. Файзиев, З. Исломов, С. К. Абдураззоқов. Ўзбекистон ССР административ-территориал тўзилиши	50
Ю. Ф. Буряков, К. М. Байпаков. Жанубий Қозоғистон ва Еттисувда ўрта аср шаҳар маданияти	51
У. И. Исломов, Н. А. Аванесова, М. Ж. Жўрақулов. Самарқанд манзилгоҳи ва Урта Осиёдаги юқори палеолит даври муаммолари	54

Янги китоблар

Ж. З. Загулов, Э. Сидиқов. Регионал транспорт комплекси: ташкил топиши ва ривожланиши	56
---	----

Хроника

Э. Д. Панасенко, Э. В. Ртвеладзе. Совет олимнинг жаҳонаро тан олинishi	57
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

Решения партии — в жизнь!

А. Х. Хикматов, Э. Х. Махмудов. Эффективность капитального строительства в условиях нового хозяйственного механизма	3
Б. А. Акбаров. Об улучшении качества продукции обувной промышленности УзССР	9
Г. Р. Асанов. Сельское расселение Узбекистана (Вопросы типологии и некоторые проблемы развития)	14
А. А. Голованов. Некоторые аспекты изучения опыта сельскохозяйственного строительства в СССР (1945 — начало 60-х годов)	21
Т. К. Ходжайов. К проблеме этногенеза и этнической истории народов Средней Азии	26
Н. Н. Хакимджанов. Курс НДПА на расширение социальной базы Апрельской революции	32

Научные сообщения

Т. В. Перевезенцева. О научно-техническом творчестве рабочей молодежи Узбекистана	39
П. Х. Акимбаева. Из истории борьбы Советов УзССР за улучшение сферы обслуживания тружеников села (1959—1965)	41
А. Х. Бабаджанова. Е. К. Бетгер — историк-среднеазиетед	44

Исторнография

В. Л. Лазарев. Об освещении союза рабочего класса и крестьянства Узбекистана в литературе 20—30-х годов	46
---	----

Критика и библиография

М. Файзиев, З. Исламов. С. К. Абдуразаков. Административно-территориальное устройство Узбекской ССР	50
Ю. Ф. Буряков. К. М. Байпаков. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья	51
У. И. Исламов, Н. А. Аванесова. М. Д. Джуракулов. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии	54

Новые книги

Ж. З. Загулов. Э. Сидыков. Региональный транспортный комплекс: формирование и развитие	56
--	----

Хроника

Э. Д. Панасенко, Э. В. Ртвеладзе. Международное признание советского ученого	57
--	----

НАШИ АВТОРЫ

- Хикматов А. Х.—член-корреспондент АН УзССР, директор Института экономики АН УзССР.
Ходжайов Т. К.—доктор исторических наук, зав. отделом этнических проблем Института археологии АН УзССР.
Асанов Г. Р.—кандидат географических наук, доцент ТГПИ им. Низами.
Голованов А. А.—кандидат исторических наук, начальник управления преподаванием общественных наук МВССО УзССР.
Махмудов Э. Х.—кандидат экономических наук, доцент ТИНХ.
Акимбаева П. Х.—преподаватель кафедры истории КПСС Наманганского ГПИ им. Хамзы.
Бабаджамова А. Х.—мл. научный сотрудник ЦНИОН АН УзССР.
Перевезенцева Т. В.—мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
Акбаров Б. А.—аспирант СОПС АН УзССР.
Лазарев В. Л.—соискатель кафедры истории СССР истфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
Хакимджанов Н. Н.—слушатель ТВПШ при ЦК КПУз.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негматов*

Сдано в набор 26.02.88. Подписано к печати 15.03.88. P14589. Формат 70×108/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,26. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 919. Заказ 76. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: Ташкент, пр. М. Горького, 79.

Цена 65 к.

Индекс
75349